

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Хочу тебя
ИСПОЛЬЗОВАТЬ

Екатерина Орлова

Екатерина Орлова

Хочу тебя использовать

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68720814

SelfPub; 2023

Аннотация

– Кирилл сообщил, что женится этой зимой. – Хорошо, – выдыхаю я счастливо. Даже не думала, что все пройдет так легко. Вообще заявление Кира о том, что он собирается просить у родителей моей руки, застало меня врасплох, но теперь я вижу, что все складывается как нельзя лучше. – Надеюсь, маме к тому времени станет лучше, я бы хотела, чтобы она присутствовала на нашей свадьбе.– Он женится не на тебе, Маша. Как можно отомстить парню, который предал твои ожидания? Забрать деньги и скрыться на несколько лет, оставив этого предателя гадать, что пошло не так. Вот только нужно быть готовой, что при следующей встрече придется столкнуться с его яростью. А еще с тем, что чувства так и не угасли, как бы каждый из нас ни пытался от них избавиться.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	17
Глава 3	24
Глава 4	33
Глава 5	41
Глава 6	50
Глава 7	59
Глава 8	66
Глава 9	75
Глава 10	86
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Екатерина Орлова

Хочу тебя использовать

Пролог

– Ты Маша, верно?

Оборачиваюсь на приятный женский голос и, как могу, тяну улыбку. В горле все еще стоит ком и слегка подташнивает. Киваю, глядя на женщину. Мозг быстро отмечает ухоженность, лоск и даже какое-то сияние.

– Здравствуйте.

Она окидывает меня пристальным взглядом. Смотрит долго и внимательно.

– Я мама Кирилла, Светлана.

– Очень приятно, – спохватываюсь я, вытирая руки о передник. Что ж он не сказал, что она приедет? Наверное, уже рассказал им о нас. – Не знала, что вы приедете.

– Я не собиралась.

– А Кирилл здесь? – смотрю в сторону в надежде рассмотреть двор его бабушки.

Светлана делает пару шагов ко мне, вынуждая отступить назад, а потом прикрывает за своей спиной калитку.

– Мы можем пару минут поговорить?

– Да, конечно, проходите, – приглашаю ее глубже во двор,

но она легонько качает головой.

– Спасибо, но я тороплюсь. Заехала с тобой поговорить, и нужно возвращаться в город.

Снова киваю, как болванчик, не в силах совладать с захлестнувшими эмоциями. Пытаюсь сосредоточиться на привычных звуках: шуме деревьев, покачивающихся на ветру, пении птиц, суете кур, бегающих по двору. Но это не помогает, сердце все так же взволнованно колотится, разнося волнение по венам вместе с бурлящей кровью.

– Маша, я без долгих прелюдий сразу к делу, если ты не против. – Удовлетворившись молчаливым кивком, Светлана произносит: – Кирилл женится этой зимой.

– Хорошо, – выдыхаю я счастливо. Даже не думала, что все так легко пройдет. Вообще заявление Кира о том, что он собирается меня сосватать, застало меня врасплох, но теперь я вижу, что все складывается как нельзя лучше. – Надеюсь, маме к тому времени полегчает, я бы хотела, чтобы она присутствовала на свадьбе.

Сжимаю ладони перед собой и тесно сплетаю пальцы.

– Не на тебе, Маша.

Эти слова обрушиваются на меня, словно бетонная плита. Давят и давят, пока я нахожусь в стадии отрицания. Это, наверное, какая-то шутка. Так же не может быть, он ведь обещал. Я точно помню, как он сказал, уезжая: «Вернусь, будем тебя сватать, Ягодка». Вот я и подумала, что... Господи, какая же я дура! Я ведь простила ему, снова доверилась, когда

он пообещал, что больше никогда меня не обидит. Мама всегда говорит, что горбатого только могила исправит. Мозг это понимал, но сердце отказывалось верить. И чем все закончилось? Плита прижимает сильнее, и по ощущениям дробит мои кости, превращая их в порошок.

Вот и все. Нет больше Кира и Ягодки.

– Я тут узнала, что ты нуждаешься в деньгах, чтобы помочь своей матери, – продолжает Светлана, как ни в чем не бывало, а потом достает из сумочки, висящей на плече, сверток, и всовывает его мне в руки. По инерции сжимаю, продолжая пялиться на нее. Я как будто остолбенела, поставила жизнь на паузу, пока пытаюсь разобраться со своим внутренним миром. – Там достаточно, чтобы снять квартиру в городе и дать маме достойное лечение. У меня только одна просьба: не ищи Кирилла, ему нужна жизнь устраивать. Отдохнули лето, и будет. У него свои планы и стремления, и ты, к сожалению, в них не вступишь. Если любишь, позволь ему идти своей дорогой. Только любящая женщина способна отпустить любимого, чтобы он был счастлив. Ты ведь любишь? – медленно, оторопело киваю, даже не успевая до конца проанализировать ее вопрос и свой ответ. – Ну и славно. – Она улыбается, а для меня эта улыбка выглядит как оскал дьявола. – Тогда, думаю, мы поняли друг друга. Ну все, я поехала. Желаю твоей маме выздоровления. А про Кирилла помни: чтобы он был счастлив, ты должна держаться подальше, ладно?

Я снова киваю, даже не понимая, с чем соглашаюсь. В ушах до сих пор стучат ее слова: «Кирилл женится... не на тебе...»

Глава 1

Паркуюсь у ворот и глушу двигатель. Укладываю на руль предплечья и утыкаюсь лбом в костяшки пальцев. Еще один тяжелый вздох разрезает тишину салона. Внезапно за закрытыми веками становится светлее, и я поднимаю голову. Бабушка включила свет во дворе. Услышала меня. Приходится выйти из машины и набрать ее.

– Кирюша, ты что так поздно? – взволнованным голосом спрашивает она. – Случилось что?

– Я в гости приехал. Не хотел тебя будить, думал переночевать в машине.

– Что за глупости? – бабушка отодвигает штору и выглядывает на улицу. – О, так что ж ты не сказал? Бегу.

Спустя пару минут я уже сжат в любящих объятиях. В единственных любящих объятиях, которые у меня есть. Целую морщинистую щеку и даю рассмотреть себя со всех сторон.

– Какой же ты у меня! Красивый! Как ты дом мой нашел?

– Ой, ба, это целый квест был. Но нашел.

– Ну и молодец! И машина у тебя красивая. Ну давай, загоняй во двор.

Бабушка суетится, пытаюсь помочь мне открыть ржавые ворота, а потом я въезжаю в довольно узкий двор. Слева от машины остается небольшой проход, а справа бок трется о

наливающимися гроздья винограда. Закрываю ворота и иду следом за бабушкой. Не думал я, что мама позволит, чтобы ее мать жила в таком маленьком, обветшалом домишке. Но чему удивляться? Это же Светлана Руденко. Она живет только ради себя.

Осматриваюсь по сторонам. Взгляд цепляется за идеально чистые поверхности, разноцветные дорожки на полу, вязанные кружевные салфетки. В доме пахнет чем-то вкусным и лекарствами. Где-то в глубине бубнит телевизор, а на диване в так называемой гостиной спит жирный черно-белый кот. Такая обстановка совершенно непривычная для меня, словно из параллельной вселенной. И бабушка у меня оттуда же. С платком на голове, в халате, выдавшем виды. Ее глаза похожи на мои, и улыбка, кажется, тоже.

Бабуля смотрит на меня так, словно я самое дорогое, что есть в ее жизни. Хотя сложно сказать, есть ли я в ней. Что говорить, если за двадцать один год я впервые в ее доме? Последний раз мы виделись пять лет назад на мой день рождения, когда бабушка приезжала в город, чтобы поздравить меня. А потом на мой вопрос, когда снова приедет, отвечала: «Не знаю, внучек, пока не могу». Через пару лет, когда я понял, что не приедет, перестал спрашивать.

А сегодня мне нестерпимо захотелось ее увидеть. Наверное, потому что все так достало и захотелось сбежать от целого мира, а больше и некуда.

– Голоден? – спрашивает бабуля.

– Как волк.

– Ты что ж это прямо из Киева ехал на машине? – спрашивает она, кивнув мне, чтобы шел за ней, и мы возвращаемся из гостиной на небольшую кухню, где она тут же начинает греметь кастрюлями. – Садись, не стой.

– Да насиделся в дороге.

– Кир, ты полкухни занимаешь, – смеется она. – Давай-давай, присаживайся. Я окрошку приготовила. Будешь?

– Буду.

– Только я по чуть-чуть готовлю. Сколько мне одной надо-то? Завтра уже буду тебя откармливать. А пока съешь окрошку и чай с булочкой. До утра доживешь.

Опускает передо мной тарелку и сразу же ставит чайник на плиту. Я беру ложку и начинаю есть, наблюдая за тем, как бабушка кружит по кухне.

– Ох, одна только осталась, – вздыхает она, приподнимая край полотенца, которым накрыта миска. Еще недавно спящий кот тут же материализуется у ее ног и начинает тереться о них, довольно мурча. – Иди, окаянный! Я ж тебя недавно кормила. Вот прожорливый.

Бабушка заваривает чай, ставит передо мной тарелку с пышной булочкой и усаживается напротив, отогнав кота.

– Какой же ты вырос! – произносит она, сложив руки вместе. – Красивый, статный. Как мама?

– Нормально, – отвечаю коротко, не имея никакого желания говорить о ней. И вообще о моих родителях. От них од-

на головная боль.

– Опять уехала?

– Мгм.

– Ой, бедный ты мой мальчик, – вздыхает бабушка, поглаживая мою руку, сжимающую кусок хлеба. – Сирота при живых родителях. А ко мне надолго?

– Не знаю еще. Просто приехал. У меня каникулы, так что, может, на все лето.

– Я так рада, внучек! Какое счастье, что ты приехал.

– Буду помогать тебе, ба.

– А что же мне помогать?

– Ну не знаю, по хозяйству там. Ворота бы заменить.

– Да где ж я денег таких возьму? Можно просто поправить да покрасить, они век еще простоят.

– Поменяем, ба.

– Как твоя учеба?

– Год закончил на отлично, другого бы мне не позволили, – невесело усмехаюсь я. – Гонками занимаюсь.

– Какими такими гонками? – глаза бабушки становятся больше. Она так забавно удивляется, что я не могу сдержать смех.

– Уличными, ба. Это когда парни собираются на своих машинах ночью в старом аэропорту и гоняют, кто быстрее.

– Так же и разбиться можно, Кирюш! – всплескивает руками.

– Можно, – подтверждаю я. – Но это если ты неосторожно

ездишь.

– А ты осторожен?

– Еще как.

– Родители знают?

– Наверное, – коротко пожимаю плечом. – Не волнуйся.

Они не переживают, у них замена растет. Достойная, – цежу сквозь зубы, вспоминая своего брата Назара. Он младше меня на два года, такой же заносчивый и раздражающий тип, как и наши родители.

– Не говори так. Невозможно заменить ни одного ребенка.

– Святая простота, – хмыкнув, отвечаю я, вгрызаясь в невероятно вкусную булочку с повидлом.

Доев ужин, помогаю бабушке убрать посуду, но она отгоняет меня от тазика, в котором моет ее.

– А что, посудомойки у тебя нет?

– Какой посудомойки? – удивляется она.

– Ну, такая машинка для мытья посуды.

– Какая машинка, внучек? В селе, – качает бабушка головой, полоща тарелку из железной кружки.

– А... раковина? – офигеваю я.

– Нет. Да и зачем она мне? Мне и с ведром нормально.

– А кто тебе воду в ведре носит?

– Так сама и ношу.

– Откуда?

– Во дворе колонка есть, – кивает бабушка на выход из дома.

Я присвистываю, пытаюсь сложить в голове условия бабушкиной жизни. Мама говняная дочь, если не смогла бабушке даже воду в дом провести. Я не знал, на что потратить свои выигрыши от гонок? Собирался спустить их на Ибике, но в последний момент передумал туда лететь. Так вот теперь у меня появилась такая статья расходов, что хоть бы хватило денег. А главное, тяги. Потому что я вообще ни фига не шарю ни в воротах, ни в водопроводе.

– Ну а туалет?

– Так на улице.

– В смысле – на улице? – тарашусь на бабулю как на пришельца, а она смеется.

– Пойдем, покажу.

Мы выходим из дома, бабушка включает свет, тускло освещающий дорожку, в конце которой стоит некая конструкция, напоминающая телефонную будку. Ладно, я ж не в лаборатории вырос, и понимаю, что деревянная покосившаяся хибарка – это туалет. Но блядь, в двадцать первом веке! Я думал, это пережитки прошлого! Но нет.

– Слушай, и это у всех тут так?

– Нет, – отвечает бабушка, словно забавляясь моей реакцией. – Молодежь, конечно, себе и водопровод в дом проводит, и туалет, и машинку стиральную ставит. Автомат, – важно добавляет она. – А мне уже это зачем?

– И как ты стираешь?

– А у меня малютка есть.

– Кто?

– Что, – поправляет бабушка со смехом. – Машинка такая маленькая. Она у меня в сарае стоит. Я ее вытаскиваю, из колонки воду набираю и стираю. Потом полощу руками и развешиваю на веревки, – она указывает рукой в сторону, но в темноте я не совсем понимаю, куда.

– Ого, – только и могу выдать я.

– Да ты не переживай, внучек, я привыкла за столько лет. Я и малютке рада, все ж легче, чем руками. А то раньше настираешься, а потом пальцы крутит от боли. Сейчас всяко легче. Ну давай, идем, будем укладываться.

– Я покурю еще, – достаю из кармана пачку сигарет и зажигалку.

– Гадость это, – качая головой, отзывается бабушка, а потом идет в дом. – Постелю пока.

Как только кружевная шторка на входе в дом закрывается за бабушкой, я подхожу к двери и выключаю свет во дворе. Закуриваю и, задрав голову, выпускаю дым в небо. Звезды здесь словно волшебные, в городе такие не увидеть. И так их много, словно кто-то рассыпал их по небосводу. Я думал, что мне хреново живется. А моя бабушка, оказывается, застряла в каменном веке и даже не жалуется.

– Мяу, – раздается слева, а потом жирный кот начинает тереться о мою ногу.

Присаживаюсь на выступ дома и глажу наглуую морду, в очередной раз затягиваясь.

– Вот кому здесь живется хорошо, да, котяра?

– Мяу, – отвечает он.

– Так я и знал, – усмехаюсь, трепля его живот.

Докурив, возвращаюсь в дом, заперев дверь на большой скрипучий засов.

– Кирюш, я тебе постелила в дальней комнате, – говорит бабушка, когда я вхожу в «гостиную».

Телевизор уже выключен, экран накрыт салфеткой.

– А это зачем? – киваю на кружевную ткань, покрывшую кинескоп.

– Так чтоб пыль не садилась. И красивее так, – умиляется бабушка.

– Это ты сплела?

– Связала. Да, я. Еще и носочков тебе, кстати, навязала, только посылка почему-то возвращалась три раза, – грустно заканчивает она. – Завтра тебе их отдам.

– Спасибо, ба, – на меня накатывает такая бесконечная нежность к ней. Подхожу и обнимаю свою коротышку, а она обвивает мою талию морщинистыми руками и всхлипывает. – Ба, ты чего?

– Ой, да не обращай внимания, – говорит она, отстраняясь и утирая слезы воротником халата. – Я ж старая уже, тонко-слезая стала. Ну все, топай спать.

– Я рад, что приехал, ба, – произношу негромко.

– И я, внучек, рада, – с ласковой улыбкой отвечает она.

Мы расходимся по комнатам и укладываемся спать. Это

так странно: вокруг столько звуков, и ни одного громкого. Ни воя сирен, ни шума машин, ни ругани за стеной. Только сверчки, тиканье часов, шуршание листьев за открытым окном. А потом еще и урчание кота, который, запрыгнув на мою кровать, укладывается мне прямо на грудь. Как будто знает, где болит сильнее всего. Только там и болит. Прижимая к себе наглую толстую морду, я уплываю в безмятежный сон.

Глава 2

– Лидия Порфирьевна, хлеба не было. Привезли совсем мало, разобрали еще до моего прихода. Простите, поздно сегодня пошла.

Меня будит голос, похожий на перезвон колокольчиков. По телу мгновенно разбегаются мурашки, а член встает, как по команде. Я улыбаюсь с закрытыми глазами. Мне все еще кажется, что я сплю, но потом слышу голос бабушки:

– Ой, ну что ты, Машенька. Разве это беда? Возьми денежку.

– Да за что? Я только конфеты смогла купить. Там всего-то двести грамм.

– Бери-бери, не выдумывай. Тебе деньги нужнее.

– Я позже испеку хлеб и принесу. Заберите деньги, Лидия Порфирьевна, вы что? Вы и так мне молоко даете бесплатно.

– Так это я так маму твою благодарю за всю ее доброту.

– Я не возьму, – безапелляционно. Упертая какая – отмечая с улыбкой.

– Ох, девочка, – вздыхает бабушка.

– Все, я убежала. Спасибо большое за молоко.

– Зайдешь еще за сметанкой позже.

– Вот хлеб испеку – и зайду.

– Да не бегай с банкой! – выкрикивает бабушка и добавляет тихо: – Разбить ведь можно.

Я сажусь на кровати и тру лицо. Даже не глядя на часы, понимаю, что еще слишком рано для пробуждения. Даже на пары я не встаю так рано. Отодвигаю в сторону штору, глядя сквозь стекло окна на кристально чистый воздух. Такой может быть только в деревне, где выхлопные газы портят воздух, судя по всему, всего пару раз в день: когда проезжает машина с продуктами, а еще когда мелькают такие, как я, залетные.

Мой взгляд цепляется за фигурку, выскакивающую через калитку. Толстая светлая коса, словно хлыстом, проходит по спине, когда девушка резко разворачивается, чтобы закрыть засов на калитке. Я почему-то не могу оторвать от нее взгляд, хоть девушка совершенно не в моем вкусе. Слишком низкая, грудь маленькая, курносый нос. Вот что точно привлекает мое внимание – это приятные округлости попки, которые просматриваются под тонкой тканью платья. Она встала так, что как раз на это место попадают солнечные лучи, и ткань становится практически прозрачной.

Что ж ты, девочка, так опрометчиво светишь прелестями перед голодным волком?

Поправляю стояк и, проводив девчонку взглядом, снова откидываюсь на подушки. Ну вот, теперь сна ни в одном глазу. Приходится отбросить одеяло и встать. Раз уж я решил испытать новые эмоции, пожалуй, стоит начать менять ритм жизни. Хотя бы на эти два месяца.

– Доброе утро! – здороваюсь бодро, входя на кухню.

Хотя это и кухней назвать сложно. В этом домишке всего-то: прихожая, две комнаты без дверей, и две проходные: кухня и гостиная. Вот и вся площадь. У нас гостиная больше этого дома.

– О, внучек, доброе утро! – радостно восклицает бабушка. – Присаживайся, я уже булочек напекла, будешь завтракать. Яички сварила, салатик нарезала.

– Ба, я не ем столько с утра. Мне хватит чашки кофе.

– А кофе у меня нет, – притормаживает она с тарелкой, на которой катается четыре почищенных яйца. – Я ж не пью его. И хлеб вон Маша не смогла купить, поздно пошла бедная девочка.

– Ба, спокойно, я и чаю выпью, – отвечаю с улыбкой, вынимая из ее пальцев тарелку и усаживаясь за стол. – Яйца не буду, а вот булочек поем.

Бабушка накрывает на стол и садится вместе со мной поесть. Бросаю взгляд на часы: семь. Ого, рановато.

– А ты во сколько встаешь? – спрашиваю я.

– В пять, иногда в четыре.

– А зачем так рано?

– Так корову нужно доить, хозяйство кормить.

– Ты все еще держишь корову? – удивляюсь я, вспоминая ее рассказы из моего детства.

– А куда деваться-то? Кушать же нужно. Да и пенсии мне едва хватает, вот Зося меня и кормит.

– Порфирьевна! – слышу голос со двора.

– О, а вот и покупатели, – спохватывается бабушка, вставая. – Лена, я в доме! – выкрикивает, выходя в прихожую.

Пока бабушка разбирается там с покупательницей, я расправляюсь с тремя булками. Удивительно, что в меня лезет еще и четвертая, учитывая, что я привык завтракать кофе с сигаретой.

– Ну как? – спрашивает бабушка, вернувшись на кухню и снова сев за стол.

– Очень вкусно, – едва прожевав, отвечаю я. – Ба, давай тебе воду в дом проведем. И туалет сделаем.

– Да где ж мы его сделаем? И зачем мне? Я уже так привыкла.

– Ну, цивилизация не стоит на месте, надо создавать себе удобства. И машину стиральную с функцией сушки. Постирала, посушила – и все. Не надо развешивать.

– Кирюш, да не надо мне все это, – отмахивается она.

– Что ж, придется причинять добро насильно, – притворно хмурясь, произношу я, а бабушка смеется.

Во время перекура оцениваю «масштабы трагедии». Ворота и правда, наверное, старше моей ба, как и забор, отделяющий от соседей. Туалет этот стремный. Пока пользовался им, не мог определиться, какой страх сильнее: провалиться или задохнуться. Так что мне однозначно предстоит все это изменить. Я так сильно вдохновляюсь идеей устроить тут у бабушки элитный дом с кучей наворотов, что внутри меня бурлит энергия, несмотря на ранний час. Только проблема в

одном: я вообще ни хрена не знаю, с какой стороны подступиться к решению проблем. Потому что за меня всегда все решали родители.

В груди ноет при мысли о том, что и мою дальнейшую судьбу они тоже решили. Тот аргумент, что я расстался с Никой два месяца назад, мою маму вообще не трогает. Она считает, что это был мой каприз, а «Никуша» – так и слышу это в голове голосом мамы, – достойная девочка из хорошей семьи. Эта достойная девочка сосет как заправская шлюха и может таким матом обложить, что даже у меня порой уши вянут. А еще она считает меня своей собственностью и начинает травить любую девушку, которую увидит рядом со мной. Бесячая до жути.

Ладно, раз умный человек дал миру интернет, я точно смогу внести изменения в уклад бабушкиного хозяйства. Захожу на сайт ближайшей к селу фирмы, которая занимается установкой ворот и сначала офигеваю от цен, а потом от того, сколько может быть нюансов при заказе двух железяк. Оказалось, что не двух, а гораздо большего количества. Решаю отложить ворота и заняться проведением водопровода. Здесь вообще ни хрена не понятно, поэтому звоню. Но когда суровый мужик начинает уточнять у меня детали, я зависаю.

– Как далеко дом от основного источника воды? – спрашивает он.

Смотрю на колонку, потом на дом, и снова на колонку.

– Метров десять, – произношу неуверенно.

Мужик, видимо, слышит сомнение в голосе, поэтому выдает:

– Значит, приедем сделаем замеры. Когда удобно?

– Да хоть сейчас.

– Согласую, когда будет время, и перезвоню, – отрезает он и отключается, а я пялюсь на телефон как на нечто странное для меня. Не к такому уровню сервиса я привык.

– Ла-а-адно, – тяну я, осматриваясь. – Надо чем-нибудь заняться.

И только разворачиваюсь, чтобы пойти спросить у ба, чем помочь, притормаживаю и врастаю ногами в землю. Калитка открывается, и во двор всплывает эта утренняя нимфа. Сейчас у нее на голове повязан платок, только концы не как у ба, под подбородком, а сзади под волосами. Легкий ветер гоняет по ее щеке несколько солнечных волосинок, от которых она, фыркая, пытается отделаться. Она в другом сарафане, этот розового цвета в мелкий цветочек, чуть выше коленей, и при ходьбе открывает вид на стройные бедра.

Красивая коротышка. Пока она идет, я успеваю рассмотреть ее лицо. Слегка раскосые глаза, полноватые, с капризным изгибом губы, густые брови и вздернутый носик. Живи она в столице, стала бы или шлюхой, или моделью, или выгодно вышла бы замуж. Такие девушки не теряются в толпе, от них фонит сексом. И кое-кто в моих шортах тоже оценил красоту. Засунув руку в карман, поправляю стояк, а потом делаю шаг навстречу.

– Привет, – здороваюсь.

Девочка вскрикивает и едва не роняет сверток, завернутый в полотенце, а потом смотрит на меня испуганными глазами. Кажется, именно в этот момент мой мир переворачивается, но я пока еще этого не осознаю. Гораздо позже я осознаю, в какой момент безнадежно вляпался по самые помидоры.

Глава 3

Марья

– Ты опять хлеб печешь? – рычит отец, входя на кухню. – Если б бока свои отлеживала меньше, то успевала бы побыстрее к хлебовозке. Лежишь, задницу свою растишь.

– Я вообще-то проснулась в пять, – бубню себе под нос еле слышно. Я не осмелюсь произнести это громче, потому что знаю, что за каждое слово придется отвечать перед ним. Прошлого раза хватило, он вполне доходчиво «объяснил мне», что перечить ему не стоит.

– Мать покормила? – открывая одну за другой крышки кастрюль, интересуется он.

– Покормила.

– Помыла?

– Да, – резко отвечаю я.

– Ты мне тут не показывай свой характер! – рывкает отец. – Ишь ты, за родной матерью тяжело тебе ухаживать? Она твою задницу вонючую мыла в детстве.

– Мне не тяжело, – снова произношу едва слышно.

– Что? – ревет над ухом со спины, а я вжимаю голову в плечи в ожидании удара, но его, к счастью, не случается.

– Не тяжело, – повторяю громче.

– Смотри мне, столичная штучка, – хмыкает он. – Я ушел.

Столичная штучка.

Так он называет меня с тех пор, как мне пришлось вернуться из столицы, чтобы ухаживать за мамой после инсульта. Она у меня практически полностью парализована. Может только жевать и легонько сжимать мою руку пальцами. Теперь я ее круглосуточная сиделка. Говорят, бойтесь своих желаний, и, видимо, поговорка правдива. Я так мечтала стать медсестрой, что стала ею, только при трагичных обстоятельствах.

Я проучилась всего два месяца перед тем, как мама попала в больницу. Думала, отец откроет глаза и бросит пить, ведь мы оба понимаем, что это он довел ее до такого состояния. Каждый день жить с агрессивным алкоголиком – такие никакие нервы и сосуды не выдержат. А мама с ним вместе уже девятнадцать лет. Лучше б рожала и воспитывала одна. Я практически не помню, каким был мой отец до того, как увлекся алкоголем. Теперь же все вокруг него виноваты во всех его несчастьях, кроме него самого.

Завернув свежий хлеб в полотенце, я заглядываю, как в печке подходят еще две буханки, потом проверяю маму и иду к Лидии Порфирьевне. Поход к ней всегда как глоток воды. Она очень добрая и душевная старушка, с которой я люблю общаться. Моя мама дружила с ней до инсульта, и иногда Лидия Порфирьевна приходит проведать ее. Но делает это крайне редко, опасаясь, что мой отец и ее начнет поколачивать. Она женщина пожилая, семья живет в Киеве, не навещают ее совсем, защитить некому. И хоть она и была

учительницей моего отца, даже это не останавливает его от того, чтобы обложить ее матом при случае.

Войдя во двор соседки, я иду к дому, во второй раз рассматривая ярко-оранжевую машину, стоящую у нее во дворе. У Порфирьевны гости, и мне неловко нарушать ее покой, но я обещала испеченный хлеб. Оглаживая взглядом сверкающий бок машины, я иду, не глядя вперед, пока передо мной, словно черт из табакерки, не выскакивает парень. Я вскрикиваю от испуга и едва удерживаю хлеб, который норовит выпасть из рук. Мой взгляд сначала утыкается в рельефную грудную клетку, – голую, надо заметить, – а потом поднимается выше. И по мере того, как я рассматриваю парня, чувствую, как начинают пылать мои щеки.

– Привет, – здороваётся он, так же оценивающе блуждая по мне взглядом.

– Гм, привет, – хриплю я.

– Я – Кирилл.

– Марья, – теперь пищу. Да что ж такое с голосом?!

– Знаю.

– Да? – спрашиваю. Нет, чтобы выяснить, откуда знает, я задаю самый дурацкий вопрос из всех. Но этот Кирилл меня смущает. И нагота его. Ну, то есть, он, конечно, в шортах, но торс голый, и это сильно смущает.

– Ага. Я внук Лидии Порфирьевны.

– О! – я сталкиваюсь с ним взглядом, и тут понимаю, что вся эта дружелюбность напускная. Он – хищник, а я, судя

по всему, добыча. Потому что настолько плотоядный взгляд можно встретить только у хищника. Он смотрит с деланным равнодушием, но при этом прожигает до самых косточек. Мне кажется, даже они понемногу начинают плавиться под этим взглядом. По телу разбегается холод, от которого я неуютно ежусь. – Эм, ну здарсьте, – выдаю тупо. – Тут это... хлеб, – проговариваю быстро, а потом всовываю сверток ему в руки и, развернувшись, сбегаю.

К счастью, Кирилл меня не окликает, и у меня нет необходимости объясняться с ним. Бросаю калитку открытой, чего никогда не делаю, и мчусь в свой двор. Но, как это всегда бывает, я не могу просто добраться туда и спрятаться в относительной безопасности своего дома. Потому что из своего двора выходит Даша – моя школьная подруга.

– О, куда летишь, солнце? – бодро выкрикивает она, подходя ближе.

– Домой. Заносила Порфирьевне хлеб.

– Опять не успела? – качает она головой, но не осуждая меня, а с сочувствием. Мы обе знаем, кто первый скупает хлеб, чтобы потом продавать его подороже тем, кто не успел купить рано утром. У моей семьи каждая копейка на счету, так что переплачивать я не могу.

– Нет, Демчук сегодня был как ракета.

– Да чтоб у него ракета в заднице взорвалась! Так, а чего такая перепуганная? – спрашивает она, а потом переводит взгляд мне за спину, и я слышу, как лязгает замок калитки

Лидии Порфирьевны, и зажмуриваюсь на секунду. – О, какой экземпляр. Это кто это там у Порфирьевны? – тянет Даша, продолжая пялиться в ту сторону.

– Внук ее.

– Хорош. Привет! – выкрикивает она, а я оборачиваюсь, чтобы увидеть, как за невысокими воротами возвышается Кирилл и внимательно смотрит на... меня. Ой, мамочки.

– Даш, перестань, – шепчу, хватая подругу под локоть и веду в сторону своего двора.

– О, ну нет, – она вырывается из моей хватки. – Или ко мне, или по отдельности. Я видела, как твой батя с дядь Витей на речке прибухивали. Не хочу я новых приключений.

Я торможу перед своими воротами и тяжело вздыхаю. Чувствую, как все еще колотится сердце и горят щеки, но в сторону двора Порфирьевны не смотрю. Знаю, что он стоит там и все еще ощупывает меня взглядом. Чувствую это, и хочется прикрыться.

– Да, ничего такой внучок, – облокотившись локтем о невысокий забор, выдает Дашка. – Вот такого бы тебе. Видно, что богатенький. Увез бы тебя в город, мамку твою вылечил, тебя бы подарил подарками. На руках носил бы только за твои пирожки с луком и яйцом.

– Пф, Даш, они там свои «фуагры» едят, на кой ему мои пирожки? Он, наверное, и не ест такое. – Все же бросаю быстрый взгляд в надежде, что он ушел, но этот настырный Кирилл продолжает сверлить меня глазами. Может, и нас

обеих, издалека уже и не разберешь.

– Фуагры – не фуагры, а ты девка видная, тебе бы такой принц подошел идеально.

Снова тяжело вздыхаю, потому что подруга не права. Может, мне бы и подошел, да только что я могу дать такому парню, кроме как скоротать пару ночей в скучном селе? Ничего и пирожки с луком и яйцом. Смешно даже.

Только вот ночью, лежа в постели, я все никак не могу отпустить эту мысль. Представляю себе, как все могло бы обернуться, если бы этот Кирилл обратил на меня не мимолетное внимание, а всерьез заинтересовался бы мной. Скажем, я бы покорила его... нет, не пирожками, глупости какие. А, например, его бы привлекла моя невинность. Парням же такое нравится, я читала. Они, как завоеватели, обычно гордятся тем, что первые у девушки. И некоторые даже продают свою девственность, выставляют на аукцион. Мои губы брезгливо кривятся, когда я думаю об этом. Ведь большую цену может дать совсем не такой красавчик, как внук соседки, а какой-нибудь престарелый извращенец. И будет потом пыхтеть на мне, потея, а я буду стараться не дышать, чтобы хоть немного облегчить тошноту.

Резко переворачиваюсь и тяжело сглатываю, потому что меня и правда начинает мутить. А если бы... если бы он влюбился в меня, а? Ведь за что-то же любит, например, Васька Дашку. Любит. На руках носит, подарки дарит, осенью забереет в Белую Церковь жить, когда закончит ремонт в кварти-

ре. И меня, наверное, за что-то можно полюбить. Та же Дашка любит, Порфирьевна тоже, мама... ладно, она не считается. Да все село говорит, что я добрая и красивая! Значит, есть за что полюбить.

Снова переворачиваюсь. Беру с подоконника свой старенький телефон с треснувшим экраном и лезу в интернет, чтобы посмотреть, чем там девушки парней привлекают. Я обычно никаких приемов не использую, но этот парень, судя по взгляду искушен, а, значит, с ним нужна специальная тактика.

Первое, что мне попадает: «Парни любят девушек неприступных, с чувством собственного достоинства». Это, получается, чтобы ему понравиться, нужно показать ему, что мне он не нравится? Странная логика. А как он тогда поймет, что симпатичен мне? Читаю дальше: «Мужчины по природе своей охотники, завоеватели. Чем неприступнее девушка, тем интереснее ему будет добиваться ее, и тем сильнее он будет ценить свою «добычу». Ну ладно. Но тут все равно очень странно. А если он потеряет интерес, как только добыча будет поймана?

Блокирую телефон, возвращаю на подоконник и с тяжелым вздохом опускаю руки на живот. Так сложно все это. И неискренне. Даже моя цель неискренняя. Получается, я не самого Кирилла хочу, а то, что он может мне дать. А как я могу его хотеть, если даже не знаю? Р-р-р, это все Дашка с ее гениальными идеями. Я понимаю подругу, она за меня пере-

живает, я и сама была бы не против вылечить маму и уехать из села подальше от отца. Но разве я буду счастлива с мужчиной, который меня не любит?

– Ты уже с одним таким живешь, и ничего. Зато мой мужчина может помочь маме, – шепчу в тишину.

Может, и не так абсурдны слова подруги? Может, и правда это мой шанс вырваться из этого ада? А как еще, если не так?

Прогнозы врача для мамы неутешительные. Пока не начнем колоть нормальные лекарства, которые стоят кучу денег, и не начнем реабилитацию, мама не встанет. Если так, то мне до самой ее смерти нужно будет за ней ухаживать. Мне не тяжело, я очень люблю свою мамочку, но хочется, чтобы она прожила остаток жизни полноценно, а не лежа овощем.

Можно ли считать мою цель великой? В масштабах одной небольшой семьи – да, со стопроцентной уверенностью. Могу ли я использовать для этого другого человека? Очень сильно сомневаюсь. Меня убеждает только то, что Кирилл красивый парень, который наверняка умеет красиво любить. А мне, как всякой девушке, хочется ту самую роскошную историю Золушки, которую отважный принц спасает из лап дракона... А, это уже из другой сказки, но в моей ситуации с драконом это не перебор. Вон он, храпит на диване в гостиной, пьяный в дым. Пожалуй, да, стоит попробовать соблазнить этого Кирилла. Главное при этом не потерять настоящую себя. О том, как это сделать, наверняка пишут где-то в интернете. Завтра обязательно прочитаю, сразу после того,

как начну соблазнять столичного парня.

Глава 4

Кирилл

– Кирюш, сходи к соседке, пожалуйста, отнеси сметанку, – просит бабушка, когда я выношу из дома последние половники, чтобы освободить строителям место для работы.

– Это к какой? – бросаю половики и перехватываю банку со сметаной из бабушкиных рук.

– К Машеньке. Она сегодня не пришла. Видимо, Люсе снова плохо. Слышала, ночью скорая приезжала.

Бросаю на бабушку взгляд и хмурюсь.

– Кто такая Люся?

– Это мама Марьи. Лежит после инсульта, бедняга, не встает, парализована. Отнесешь?

– Да. Ба, если приедут водопроводчики, набери меня.

Получив от бабушки кивок, иду к соседке. Мне очень интересно посмотреть, как живет девушка по соседству, но у меня не было повода заглянуть к ней. А теперь я бодро шагаю в направлении ее двора, предвкушая встречу. Последние два дня она носа не казала на улицу. То ли я ее так напугал тогда своим вниманием, то ли она в принципе часто не выходит. Подруга у нее тоже зачетная, я бы такую покружил немного в своей тачке. И взгляд у нее как у всех наших универских блядей – прожженный, оценивающий. Посмотрела так, словно уже оценила меня, как породистого скакуна на

торгах. Но Марья эта поинтереснее будет. И интересуется она тем, что боится меня. Видимо, чувствует мою натуру, и старается избегать таких, как я. И правильно делает, потому что я и мои друзья – это яркое, но короткое приключение. Запоминается на всю жизнь, главное, не успеть проникнуться чувствами. Потому что они так и останутся погребенными под пылью, летящей из-под шин наших тачек.

Захожу во двор, едва бросив взгляд на привязанную у хилой будки дворнягу, которая, срывая глотку пытается облаять меня до смерти. Она рвет свой поводок, который на поверку оказывается обычной веревкой, обвязанной вокруг ее тощей шеи.

– Висельник, – хмыкаю я, проходя дальше вглубь двора.

Осматриваюсь, отмечая порядок, чистые дорожки и короткую траву, словно ее аккуратно косят, но не убирают совсем. На веревках висит постиранное белье. Взгляд цепляется за аккуратные трикотажные трусики и бюстгалтеры, вид на которые открывается мне, когда от небольшого ветра развивается полотнище широких простыней. Надо же, спрятала под ними небольшую веревку, чтобы ее белье никто не видел. А, может, это белье ее мамы? Девочки же такое простенькое не носят. Хотя вон моя бывшая Ника иногда носила, но у нее там Кляйн да Секрет Виктории, не чета этому простецкому.

Заворачиваю на так называемый задний двор и замираю. Из дома доносится ругань:

– Совсем, дрянь малолетняя, страх потеряла?! – басит мужик. – Все бабки выгрела! А отец за что должен похмеляться?! Или ты только о ее здоровье печешься?! Хороша дочь! Воспитал на свою голову debilку недоразвитую!

– А чем я должна была заплатить врачам и за лекарства?! – слышу истеричный вскрик. Голос вроде принадлежит самой Марье, а вроде как и чужой, сложно угадать.

– Утром поехала бы в город и купила в социальной аптеке! – продолжает рычать мужик.

– А маму с кем оставить? А деньги на дорогу? Так еще дороже вышло бы!

– Зато у врачей, торгующих лекарствами, дешевле вышло! Ты это специально! А-а-а, ты просто спрятала деньги! Где?! – теперь уже ревет мужик, и я чувствую, как у меня в крови резко повышается уровень адреналина. Потому что этот рев совсем не звучит так, словно отец отчитывает дочку, а звучит так, словно он сейчас полезет в драку.

Делаю решительный шаг к дому.

– Папа, не надо прошу, – жалобный писк, который ускоряет мои ноги в несколько раз. Прижимая к себе банку, отбрасываю в сторону тонкий тюль, болтающийся на двери, и влетаю в дом. Отставляю банку у порога и, сбросив шлепанцы, иду глубже. – Я заработаю.

– Где ты их заработаешь? Хоть бы шлюхой пошла. И мужикам радость – и нам деньги нормальные!

– Что ты такое говоришь? Я же твоя...

Слышу звонкий звук, как будто кому-то дали пощечину.
– Не смей спорить с отцом!

В этот момент ярываюсь в комнату и застаю отвратительную картину: Марья сжалась в углу и держится за щеку, а над ней нависает толстый мужик в шортах и растянутой майке. Он занес над ней руку, а Машка трясется, в ужасе глядя то на него, то на меня. Будь она моя, я бы уже вырубил этого мудака, но я не знаю, что здесь происходит, и чем моя инициатива закончится для Марьи. Сначала надо все узнать, а потом действовать. Но вот этот взгляд затравленного зверька что-то пробуждает внутри меня, что я отчаянно из себя гоню. Сейчас стоит проникнуться сочувствием, за ним придут чувства, а потом я не успею отдулиться, как буду тянуть к алтарю нищевродку из села. Хотя я бы позабавился, глядя при этом в лицо своей матери – светской львицы и медийной личности. Наверняка у Светланы Игоревны пошел бы дым из задницы.

– Здравсьте, – вклиниваюсь в живописную сцену, снова обретая внутреннее равновесие. – Марья, бабушка там вам сметану передала.

– Какая еще бабушка? – шипит мужик, окидывая меня взглядом с головы до ног.

– Моя, – отвечаю хамовато.

– Это внук... – всхлипывает Марья, – внук Лидии Порфирьевны.

– Денег нет! – отрезает ее отец, наконец отходя от дочки.

И только сейчас, когда натянутые помимо воли нервы немного расслабляются, я начинаю впитывать окружающую обстановку. Окидываю беглым взглядом помещение, отмечая, что дом еще меньше, чем у моей ба. Но здесь тоже чисто, хоть и обстановка нищевородская. Пахнет лекарствами и выпечкой. А еще как будто солнцем. Не могу объяснить этот запах, но он теплый и уютный. Но самый резкий – это исходящий от мужика алкогольный смрад. Перегар после каждого произнесенного им слова поглощает немного солнечного запаха, как будто очерняя его своими парами.

– Так я не просил деньги. Марья, ба сказала, что ты с утра банку не занесла.

– Потому что эта тупая корова даже такую мелочь не может сделать.

Как только отец девушки, обогнув меня, все еще матерясь, покидает дом, Маша наконец отклеивается от угла и идет ко мне. Я замечаю красные опухшие глаза, мешки под ними, бледную кожу – все то, что было скрыто ее руками, когда она держалась за щеки. А теперь ее бледность предстает во всей красе, и внутри меня снова что-то такое неприятно дергается. Еще один нелюбимый ребенок своих родителей? Еще одна детская душа, загубленная ублюдками, которые не смогли дать ей самую малость – кусочек душевного тепла? Напоминаю себе, что мне плевать, когда иду следом за Марьей в прихожую. Она открывает старый шкаф и достает из него чистую банку с капроновой крышкой, протягивает ее мне.

– Передай бабушке спасибо за сметану. Я позже занесу деньги. Вечером... наверное.

Я удерживаю ее взгляд дольше положенного, сам не понимая, что выискиваю в ее глазах. А потом резко киваю и, перехватив банку, ухожу. Это не моя жизнь, не моя девушка и вообще не мое дело. У меня своих проблем хватает. А то, как перехватило на секунду дыхание и сжались челюсти, когда я услышал, как отец разговаривал с Марьей, – это всего лишь реакция, выработанная годами на такие же примерно обстоятельства в моей собственной семье.

– Ба, я банку от Марьи принес! – выкрикиваю, оставив тару на столе у входа в дом, а сам иду в коровник, чтобы почистить его. Ни фига не умею все это делать, но ба нужна помощь. Интересно, как она справлялась до этого одна?

Пока делаю перестановку в коровнике и машу веником, то и дело прокручиваю в голове сцену, которую застал в доме соседей. Пытаюсь сложить пазлы, но они все никак не складываются. Инстинкты кричат о том, чтобы я защитил девушку, но она как-то же дожила до своего возраста с таким отцом, а, значит, умеет с ним справляться.

Отрываюсь от работы только когда звонит мой телефон.

– Эй, бро! – выкрикивает Давид, травмируя мои барабанные перепонки, которые в сельской тишине за два дня успели отвыкнуть от шумного друга. – Как ты там? Куры тебя еще не загребли? – ржет этот придурок.

– Приедешь разгребать? – хмыкаю я, опираясь на метлу.

– Ты что? Где я и где село? Хотя телочки там должны быть ничего такие, если тебя туда потянуло. Так что? Как телочки?

– Мычат, – хмыкаю я.

– Уже? Быстро ты их оприходовал.

Качаю головой.

– Как сам?

– Через две недели заезд. Ты приедешь?

– Не знаю, я собирался остаться на целое лето.

– На кону пол-ляма.

– Существенная сумма, – присвистываю я.

– Еще бы! Так что? Ты в деле?

– Не знаю пока.

– Фу какой ты неприятный, – смеется Давид. – Ладно, созовимся ближе к делу. Кстати, ты зря проигнорил поездку, на Ибице сейчас очень горячо, если ты понимаешь, о чем я.

– Оторвитесь там за меня.

– Я уже это делаю, потому что ты лошара, который променял остров развлечений на село, в котором наверняка будешь выть от скуки уже через неделю. Ну бывай.

Давид отключает звонок, а я со вздохом осматриваюсь по сторонам. И правда, а что я здесь делаю? Как меня, нахрен, занесло в это богом забытое место вместо того, чтобы развлекаться с друзьями там, куда мы летаем каждое лето? Ах, точно, я же хотел насолить матери, навестив ее родительницу. Станный способ, правда? Зато в моей семье вполне оправ-

данный. Потому что моя маман считает, что всякий, чья нога ступит в глухое село, навсегда запятнан его дерьмом. Мне бы хотелось извозиться в этом дерьме и потом потереться о белоснежный костюм матери от Дольче, вызвав у нее приступ истерики.

Что ж, раз Ибица мне пока не светит, – не могу же я подвести бабушку, которой пообещал водопровод и новые ворота, – придется искать приключений по месту. Бросаю взгляд из дверного проема на огромную черешню, которая растет на границе бабушкиного двора и соседского. Нет, я не про эти приключения. Надо найти нормальные. Девку, с которой я смогу провести лето без всяких последствий. Может, подруга Марьи на это сгодится, кто знает?

Глава 5

– Мамочка, я ненадолго, – шепчу, целуя ее в щеку. Она легонько кивает и моргает, давая свое согласие. Улыбка пока дается ей слишком тяжело, но она уже пытается, и это хорошо.

Выбегаю из дома, спокойная за то, что отец, снова надрывшись, спит мертвым сном. Мама накормлена, помыта, лекарства я ей дала, теперь она будет только спать. А я смогу немного притвориться, что моя жизнь – это жизнь нормальной девятнадцатилетней девушки.

Выбегаю со двора, и тут же навстречу мне мчит Дашка. Красивая, на каблуках, в платье с наполовину открытой спиной, волосы завиты. А я даже собраться нормально не смогла, пьяный батя кружил вокруг, как коршун, ворчал и ругался. Стараюсь не думать о затасканной, совершенно не выходной юбке, выдавшей вида майке с пайетками. Зато у меня сегодня красиво легли волосы, и босоножки относительно новые, хоть и не такие элегантные, как у подруги.

– Готова повеселиться? – пищит Дашка, повисая на моем локте.

– Еще как! Но я недолго, маме пару дней назад было плохо.

– Да, я видела, что скорая приезжала. Прости, что не пришла, рано утром к Ваське уезжала.

– Как он?

– Нормально. Ремонт полным ходом. После работы и на выходных делает.

– Ты не предлагала ему помощь? Вдвоем быстрее бы пошло.

– Пф, сам вызвался его делать! – восклицает она. – Вот пусть и делает.

Я с улыбкой качаю головой. Может, она и права, и надо позволять мужчине все сделать для тебя. Я так не умею, а стоило бы научиться у подруги.

Возле речки уже собралось достаточно много народу. Из потрепанных «Жигулей» Макса орет музыка, которую пытаются перекричать все, стоящие рядом с машиной. По кругу пускаются стаканчики с наверняка теплой водкой, кто-то кого-то уже тащит в кусты, некоторые купаются. В общем, привычное и понятное развлечение для сельской молодежи. Не моя тусовка, хоть я в такой и выросла. Хотелось бы, чтобы была не моя, но какой у меня теперь выбор?

– О, королева пришла! – выкрикивает Сергей, пробираясь ближе к нам, а я незаметно кривлюсь.

– Я так надеялась, что он не придет, – бубню подруге.

– Ты всегда можешь послать его.

– В прошлый раз он был особенно настойчив.

– Но ты ж все равно не дала, чего паришься? – она небрежно пожимает плечом.

– Потому что он в шаге от изнасилования, а я как-то не

горю быть объектом его желания.

– Вот она – любовь всей моей жизни! – выкрикивает Серега, обнимая меня за шею. Я пытаюсь выпутаться из его удушяющих, отдающих потом и алкоголем объятий, но он крепко удерживает меня. – Красавица моя, – тянет довольным тоном. – Кир, ты уже знаком с моей любимой? Она твоя соседка!

По моему позвоночнику проходит холодок. Как внук Порфирьевны тут оказался?! Мой взгляд мечется по силуэтам, пока не выхватывает темную макушку, и мой взгляд не сталкивается со взглядом Кирилла. Какой же он красивый. Холерный, ухоженный, стильный. Не чета нашим полу-алкоголикам, которые только и знают, что пьянствовать да хвастаться своими сомнительными подвигами. На два села пара нормальных парней, и те заняты еще со школы.

– Смотри, какая краля, да? – противным голосом вещает Серега, пока Кирилл приближается к нам с улыбкой на лице. Она совсем другая, не такая, с которой он смотрел на меня, когда мы познакомились. Та мне казалась более искренней. А эта... какая-то циничная, холодная. Он смеряет меня взглядом с головы до ног, и мне кажется, что я совсем раздета. Короткая юбка по ощущениям больше напоминает пояс.

– Краля, – подтверждает Кирилл, внимательно всматриваясь в мое лицо. – Только макияж тебе не идет, – слегка подвинувшись ближе, добавляет он.

Мое лицо начинает гореть от такого комментария. Как это

«не идет»? Мне всегда говорят комплименты, и только он позволяет себе критиковать. Да кто он вообще такой? Пытаюсь задушить ту часть меня, которая прикидывает, сколько красивых девушек уже было у Кирилла. Наверняка не чета нам, такие же вылизанные, как и он сам.

Нахмурившись, отворачиваюсь и наконец вырываюсь из цепких объятий Туманова и иду к девочкам.

– Привет, – здороваюсь, и получаю приветствие в ответ.

– О, Марья тоже без купальника! – выкрикивает Олеся, махнув рукой в мою сторону. – Будем вместе голышом купаться?

– Я сегодня не купаюсь, – присаживаюсь на скамейку и тут же мне в руки попадает стаканчик, наполненный почти до краев. Принохиваюсь и кривлюсь, потом передаю дальше.

– А что это мы так кривляемся? – передо мной на корточках присаживается Туманов, схватив за коленки, которые я тщетно пытаюсь вырвать из его лап.

– Убери руки! – рычу.

Он ухмыляется, а потом резко подается вперед, и уже через мгновение я заброшена на его плечо.

– Пусти! Опустим меня на землю, придурок! – ору я и пытаюсь вывернуться.

– Не брыкайся, хуже будет, – с гоготом произносит он, накрывая рукой мою попку.

– Туманов, поставь меня на землю!

– Искупаемся вместе, любовь моя, и поставлю!

– Поставь, я сказала! И убери свои лапы!

– Ты посмотри, какая цаца! – ерничает он, а потом резко останавливается. – Ты чего, мужик?

– Поставь ее, – спокойным голосом произносит Кирилл у меня за спиной, а я задерживаю дыхание в ожидании того, как дальше развернется диалог между ними.

– Тебе какая нахер разница? Это моя девочка, что хочу, то и творю. Да, Машка? – он шлепает меня по ягодице, и я снова начинаю брыкаться.

– Пусти! Никакая я тебе не твоя! – понимаю, что строю предложение так, что моей учительнице было бы стыдно, но ничего не могу поделать. В критических ситуациях я обычно теряюсь и становлюсь косноязычной. Потом, лежа ночью в своей кровати, буду прокручивать ситуацию в своей голове и у меня будет столько правильных ответов. А сейчас – увы.

– Серега, я предупреждаю всего один раз, – угрожающе спокойным тоном говорит Кирилл.

– А потом че будет?

– А потом я буду бить тебе ебало. Оно тебе надо?

Я поражена тому, как спокойно Кирилл угрожает. Даже у меня сердце заходится от напряжения, витающего в воздухе. Кажется, Макс даже музыку приглушил, и разговоры во-круг стихли. Неужели внуку Порфирьевны совсем не страшно угрожать местным парням? Их тут человек десять, а он один. Если считать меня, то, в принципе, полтора, но что я могу против этих безбашенных идиотов?

– Ты такой смелый, – тянет Сергей напряженным голосом со звенящими нотками. – У тебя зубы лишние?

– У меня стоматолог хороший. Поставь Марию на место.

Мое имя из его уст звучит так, как будто это кот промурлыкал. На мгновение я даже забываю, в каком положении нахожусь, наслаждаясь рокошущими нотками его голоса.

Наконец Сергей медленно спускает меня по своему телу и со вздохом отодвигает в сторону.

– Ну иди сюда, – рычит он Кириллу.

– Ты хочешь устроить цирк для всех? Отойдем? – кивает в сторону посадки.

– Да мне похуй! – громче произносит местный хулиган и сплевывает сквозь зубы.

– Мне – нет. Идем.

Кирилл разворачивается и идет в заданном направлении, даже не оборачиваясь. Неужели не страшно, когда позади идет тот, кому ты обещал набить морду. Вдруг нападет? Или среди знакомых Кирилла в городе нет подлецов, которые преподали бы ему такой урок? Что удивительно, Сергей плетется следом, не пытаясь нападать. Парни бросают свои дела и идут за ними, как и пара девчонок. А я стою и смотрю им вслед, обнимая себя за плечи. Это не первая драка, на которой я присутствую. Наши парни любят зацепиться с такими же отморозками из соседних сел, но почему-то за Кирилла очень боязно. Хотя это понятно, он будет один против всех. Даже если Серега согласится драться честно, и Кирилл его

побьет, где гарантия, что наши парни не захотят отомстить за друга?

Делаю резкий рывок вперед, чтобы остановить это, но подруга хватается за локоть и тормозит.

– Куда?

– Они ж убьют его! – нервно отвечаю я, пытаюсь высвободиться из ее хватки.

Дашка обходит меня со спины и оплетает руками мою талию, а потом упирается подбородком мне в плечо.

– Дай мужчине побыть рыцарем, защитить твою честь.

– Да они ж...

– Ничего они ему не сделают. Наши пацаны не настолько отмороженные, чтоб вдесятером месить одного. Потолкаются с Тумановым, и на том закончат. Выдыхай.

– Бли-и-ин, – стону я от неконтролируемой вибрации внутри меня. Страшно так, что поджилки трясутся.

– Вот какого парня тебе надо, Маш. Сильный, красивый, смелый, богатый. Лови момент, подруга. Я бы включила обаяние на полную катушку, чтоб такого заполучить.

– Но у тебя есть Вася.

– Не в этом дело. Посмотри на Ваську и на этого Кирилла. Выбор очевиден. Только он не смотрит на меня так, как на тебя. Хватай и тащи в берлогу. Знаешь, что тебе надо сделать? – внезапно в голосе подруги появились восторженные нотки, как будто она придумала нечто гениальное. – Тебе надо залететь от него.

– Что? – выдыхаю резко. – С ума сошла? Мне только ребенка не хватало! Мать больная, отец-алкаш и младенец на руках.

– Такие, как этот Кирилл, своих детей не бросают.

– Ты там знаешь!

– Да ты посмотри, как он кинулся тебя защищать! Даже против толпы готов пойти!

– Брось, Даш, это он петушится перед новыми девчонками. Пройдет пару недель, он и не посмотрит в мою сторону.

– Только представь: будешь жить в городе. В достатке, мамку вылечит твою. Тебя zalюбит до смерти. У-у-у, подруга, я б такой шанс не упустила.

Я нервно дергаю плечом, сбрасывая голову подруги с него, и она отступает.

– Пойдем посмотрим, что там происходит.

– Та ничего толком там не происходит, – тянет Яна, выныривая из кустов. – Дал Сереге пару раз по морде, тот покидался на новенького, и базарят. Половина пацанов уже назад идут.

– Слава Богу, – с тяжелым вздохом отзываюсь я.

– А твой этот хорош, – подмигивает Янка, проходя мимо.

– Он не мой, – бурчу в ответ.

– Да? Тогда мой, – радостно взвизгивает она и летит на встречу парням, которые уже идут с «поля боя».

Я успеваю только увидеть, как Яна тормозит перед Кириллом, кокетливо накручивая прядь волос на палец, и что-то

ему говорит, а он широко улыбается. Вот в такие моменты я ненавижу лунные ночи, когда слишком хорошо можно рассмотреть черты лица человека даже в, казалось бы, крошечной тьме.

– Говняная из тебя королева, Машка, – рычит Сергей, проходя мимо меня и, сбросив футболку, бежит в воду.

– Это просто он недостоин этой королевы, – словно черт, сидящий на плече, озвучивает свои мысли Кирилл, заставляя меня вздрогнуть. – Спокойно, это всего лишь я. Пойдем, домой провожу.

– Мы только пришли, – поворачиваюсь, глядя в его светящиеся глаза.

– А мы пойдем в обход, и дома как раз будем вовремя.

Бросаю взгляд на стоящую в стороне Дашку, и она показывает мне два больших пальца, поднятых вверх.

– Я тут с Дашей, – возвращаю внимание к Кириллу.

– Уверен, она не останется одна, – негромко парирует он.

Хочется спросить, что он от меня хочет, сразу расставить все точки над *i*, но вместо этого я прикусываю нижнюю губу и коротко киваю. Черт его знает, чем закончится эта прогулка, но самое интересное, что я с радостью хочу это выяснить.

Глава 6

Некоторое время мы идем молча. Кусая губу, я перемаываю в голове слова подружки и свои впечатления от Кирилла. В чем-то Дашка права: он был бы идеальным кандидатом для меня. Только вот кандидатом куда: в мужа или в просто парня? Но станет ли парень совершать ради меня столько телодвижений: забирать к себе, лечить мою маму? А с другой стороны, какие у меня варианты? Разве вокруг меня так много парней, готовых помочь мне? А Кирилл смотрит на меня так, будто готов сожрать. Я, конечно, понимаю, что начинать отношения с торговли своим телом ради получения выгоды – это, как минимум, нечестно, а, как максимум, практически проституция. Но кто меня осудит, если из судей здесь только моя совесть?

Недолго думая, резко останавливаюсь, и Кирилл, по инерции сделав еще два шага, тоже тормозит. Поворачивается лицом ко мне.

– Что случилось? – спрашивает он.

Я быстро сокращаю расстояние между нами и, поднявшись на носочки, прижимаюсь своими губами к его. Крепко зажмуриваюсь в ожидании реакции, но ее нет. Распахиваю глаза, но в темноте не вижу его, поэтому мне тяжело понять, что происходит. Смутившись, отстраняюсь, становясь полной стопой на землю. Секунда промедления – и Кирилл

хватает меня за затылок и впивается своими губами в мои. Мягко скользит ими, легонько касается языком, а я стою замороженная, не в силах пошевелиться.

– Расслабь губы, – бормочет он хрипло. – Дай поцеловать тебя.

Приоткрываю губы, позволяя ему теперь целовать меня по-настоящему. Не слышу ничего вокруг из-за грохота крови в ушах, когда наш поцелуй становится глубже. Языки сталкиваются, поглаживают друг друга. Мы пробуем, изучаем, знакомимся. Вкус Кирилла взрывается на моем языке, и я с удивлением обнаруживаю, что в нем нет примеси алкоголя. Я бы не удивилась, потому что у обеих парней, с которыми я успела поцеловаться в своей жизни, был привкус с парами алкоголя. Вкус Кирилла чистый, мягкий, с нотками мяты. Он кружит голову и заставляет сердце биться чаще.

Вторая рука Кирилла ложится мне на талию и притягивает ближе к крепкому, поджарому телу, которому я подхожу так, словно была создана для него. Каждая выпуклость в моем теле соответствует впадине на его, и наоборот. Это невероятное ощущение, когда кажется, что мы идеально совпадаем. Я, наверное, забегаю вперед, слишком тороплю события. Но в его объятиях слишком спокойно и безопасно, а я так соскучилась по этому чувству. Последний раз я ощущала такое лет в пять, когда папа нес меня на своих плечах на ярмарку. После этого я больше ни разу такого не испытывала.

– От тебя кружится голова, – произношу шепотом, когда

мы наконец разрываем поцелуй.

– Это мои слова, а ты их украла, – я слышу в его голосе улыбку. Кирилл прижимается своим лбом к моему и сплетает наши пальцы. – Идем?

– Мгм.

И дальше мы снова шагаем в тишине. Не знаю, почему мы не разговариваем. У меня столько вопросов к нему, но я никак не могу решиться задать их. Как будто боюсь оттолкнуть его. Хотя вопросы самые простые: о семье, об учебе, сколько ему лет, в конце концов.

Как и обещал, Кирилл ведет меня в обход, по дороге еще пару раз останавливается, чтобы снова поцеловать меня. После этих поцелуев мой мир с трудом возвращается на орбиту, и я еще некоторое время иду, стараясь не путаться в ногах, потому что колени слабеют, а голова кружится.

Когда мы останавливаемся у моих ворот, Кир притягивает меня к себе и заглядывает в глаза. Свет от единственного работающего фонаря на улице не попадает сюда, но в глубине моего двора горит одинокая тусклая лампочка, которая позволяет хотя бы немного рассмотреть выражение его лица. Кирилл улыбается, и мои губы растягиваются, вторя его настроению.

– Что у тебя с этим Сергеем? – спрашивает он, и улыбка медленно превращается в нечто, похожее на оскал.

– Ничего.

– Тогда почему он сказал, что ты его?

– Он может болтать что угодно, но это не говорит о том, что все, что вылетит из его рта, – правда.

– Я просто подумал, что вы пара, и сейчас просто временно разругались.

Я перестаю улыбаться и слегка отталкиваю Кирилла, выпутываясь из его объятий.

– И ты подумал, что я решила скоротать вечер с залетным парнем, пока со своим в ссоре? То есть, целуюсь тут с тобой, прохожу за ручку несколько километров, чтобы развлечься?

– Я не то имел в виду.

– А что?

– Маш...

– Марья, – поправляю его. – Машей меня называют только самые близкие.

Он отступает на шаг назад и проводит ладонью по волосам, улыбка сползает с его лица.

– Поцелуй, как я понимаю, не делает нас ближе? И часто ты так «общаешься» с парнями? Может, предусмотрена еще какая форма общения, и мне тоже немного перепадет?

Заношу руку и отвешиваю нахалу звонкую пощечину, прожигая лицо взглядом. Его голова дергается в сторону, а потом он возвращает взгляд на меня, но теперь в нем ощущается агрессия. Не могу понять, как я это осезаю, но где-то на физическом уровне меня буквально обдает холодом, которым веет от него.

– Пошел ты! – шиплю я и, развернувшись, забегаю во

двор.

Закрываю калитку на засов и, не оборачиваясь, несусь в дом. Оказавшись в относительной безопасности родных стен, прижимаюсь спиной к стене в прихожей. Ну и вечер! Сначала этот кавалер недоделанный Туманов, теперь мажор, который, не моргнув, записал меня в шлюхи. Он ведь даже не знает меня! Ну и как я должна его соблазнять и вынудить помочь мне?! Начну – посчитает, что был прав, и я девушка свободных взглядов, мягко говоря. Ладно, этот вариант отпадает. К черту городского мажора! Сама как-нибудь справлюсь!

Прохожу в комнату к маме и наклоняюсь, чтобы поправить сползшее одеяло. Отец, как всегда, спит, похрапывая, даже не озаботившись тем, чтобы укрыть маму. Знает ведь, что из-за того, что ее конечности не двигаются, она постоянно мерзнет. Но какое ему до этого дело? После маминого инсульта он полностью переложил на мои плечи уход за ней. Мол, ты же училась на медсестру, вот и тренируйся. Что так, что эдак тебе после получения образования судки за больными выносить.

Сажусь на кровать и тяжело, порывисто вздыхаю, глотая слезы. Когда я получу его – образование это? Если бы хоть была возможность жить на что-то и нанять маме сиделку, я бы уже была с ней в городе и там бы училась и подрабатывала. Но у меня нет возможности даже вывезти ее туда. Только подкоплю немного денег – отец тут же их спускает на пой-

ло. Нам все время не хватает то на лекарства, то на какие-то другие покупки. Я уже начала копить на зимние сапоги, а сейчас ведь только конец июня. Я просто знаю, что, если отец найдет заначку или увидит, что я отщипываю от семейного бюджета больше положенного, плакала моя новая обувь. Его не интересует, что мои старые сапоги прохудились настолько, что промокают за секунду, стоит выйти на улицу в дождь или в снег.

Падаю на кровать, утыкаясь лицом в подушку, и рыдаю настолько тихо, насколько могу, только бы не разбудить маму или дракона. Если он проснется не по своей воле, то устроит скандал посреди ночи. А я стараюсь скандалов избегать, чтобы лишний раз не волновать маму. Она, бедная, ничем не может помочь мне в этой ситуации, только лежит и молча плачет.

Прорыдавшись, переодеваюсь в ночную сорочку, смываю тушь, большая часть которой осталась на наволочке, и, перевернув подушку, ложусь спать.

Утро встречает меня грохотом на кухне и ругательствами отца. Сажусь, протирая глаза и пытаюсь разлепить свинцовые веки. Из-за слез перед сном голова теперь раскалывается, а солнечный свет, проникающий в окно, слепит даже за закрытыми веками.

- Машка, у нас что, нечего пожрать?! – рычит отец.
- Тише, маму разбудишь.
- Проснулась уже! Только ты у нас, принцесса недоделан-

ная, шляешься по ночам, а потом спишь до обеда!

– Как до обеда? – вскидываюсь я, хватая телефон с подоконника, а потом медленно выдыхаю. Семь утра. – Сон алкоголика краток, – бубню себе под нос, спуская ноги на пол.

– Что ты там бухтишь?

– Говорю, еда в холодильнике, на плите только пустые кастрюли.

– Так надо было убрать! – не унимается отец. Ненавижу это время, наверное, больше, чем то, когда он уже выпьет первый раз за день. Потому что у него всегда находится повод для оскорблений.

– Куда? – устало произношу я, подходя к маме. Улыбаюсь вымученной улыбкой, и она вторит мне своей, едва заметной. Целую в лоб. – Как спалось?

Мама медленно моргает, давая понять, что ночь прошла хорошо.

– Сейчас приведу себя в порядок, помоемся и будем завтракать.

– Сначала отца бы накормила, – ворчит отец, но я, игнорируя его, накидываю халат и спешу на улицу в туалет и к умывальнику. Спорить с ним бессмысленно.

Приведя себя и маму в порядок и наконец дождавшись, пока отец свалит из дома, я присаживаюсь на стульчик возле мамы и начинаю ее кормить.

– Вчера встретила у речки Кирилла. Помнишь, внук соседки, про которого я тебе рассказывала? – мама моргает. –

Целовались, – говорю с улыбкой, которая тут же тает. – А потом он предположил, что я встречаюсь с Тумановым, но так как мы в ссоре, я позволяю себе гулять с другими в это время. – Мама хмурится. – Я дала ему пощечину и убежала. Эх, а такой был кандидат. – Вопрос в глазах мамы заставляет прояснить ситуацию: – Он богат, мам. Мог бы помочь нам. Я бы увезла тебя в Киев, подлечила, поставила бы на ноги. Могла бы закончить учебу и пойти на работу, нанять тебе реабилитолога. – Мама хмурится еще сильнее. Брови неровно изгибаются в напряжении, и мама возмущенно мычит. – Знаю, тебе не нравится эта идея, ты хотела, чтобы я всего добилась сама. Но какие у меня варианты, мам? Ты же видишь, что происходит. Отец и копейки не дает сэкономить, чтобы отложить. – Из ее глаз вытекает пара слезинок, которые я тут же подхватываю пальцем и вытираю. – Мамулечка, перестань. Я знаю, что ты считаешь себя обузой, но это не так. Ты мой самый дорогой человек, и я буду заботиться о тебе всегда, – она надсадно всхлипывает. – Но я бы хотела, чтобы ты жила нормальной жизнью, а не этой.

Потихоньку мама успокаивается, когда я переключаюсь на другие темы разговоров, строю мечты, которым, возможно, не суждено будет реализоваться. Но разве нам запрещено мечтать даже о несбыточном? Мне кажется, именно фантазии все еще держат меня на плаву.

А в обед начинается армагеддон, потому что отец возвращается со «встречи с друзьями» невменяемо пьяный и не

Один, а со своими собутыльниками.

Глава 7

– Машка, накрой нам стол по-быстрому! – гроыхает он с порога.

– Пап, какой стол? – возмущаюсь я, поставив руки в боки и оторвавшись от таза со стиркой. За спиной отца покачиваются два его собутыльника и ухмыляются. – У нас мама лежащая.

– Так она не будет мешать, а на улице жарко. Давай бегом!

– Идите в другое место! – настаиваю я.

– Это ты сейчас пойдешь в другое место! – рычит отец. – Я даже скажу в какое! Ты гляди, цаца какая! Как жрать за мои кровные, так ты первая!

– За какие твои кровные?! Ты уже семь лет не работаешь, только пьешь!

– Поговори мне еще! – рявкает он, надвигаясь на меня и глядя налитыми кровью глазами. Ненавижу его! Всем сердцем ненавижу! Мой папа, который был таким красавцем в молодости, превратился в это чудовище, брызжущее слюной, с полопавшимися капиллярами в глазах, лохматое, с брюхом, вываливающимся из штанов. Отвратительное зрелище. – Машка, бегом стол накрыла!

– Нет! – я тоже повышаю голос.

Как в замедленной съемке я наблюдаю за тем, как он поднимает руку, и я получаю первую пощечину. Кто ж знал, что

в этот момент мне стоило остановиться и спрятаться, убежать? Но я продолжила гнуть свое:

– Ненавижу тебя и твоих друзей! – выкрикиваю я. – Вы все гребаные алкаши, которые света белого не видят! У тебя жена больная, а ты ведешь себя, как подонок! Лучше б деньги заработал ей на врачей! Только и знаешь, что пить!

Кажется, инстинкт самосохранения покинул чат. Единственное, в чем еще выражалось его наличие, – это то, что, бросая оскорбления в лицо отцу, я отступала от него, потому что он надвигался. Я видела приближение бури по часто и резко раздувающимся ноздрям и по бешеному взгляду. Но то, что копилось во мне годы, наконец нашло выход. Видимо, у отца это работает так же, потому что он делает резкий рывок вперед, покачнувшись, и хватает меня за волосы. А потом начинается мой личный ад. Удары отцовских кулаков и ладоней приходятся везде, куда он может дотянуться. Я пытаюсь отбиваться, но даже у пропойцы силы больше, чем у юной девушки. Друзья отца сначала пытаются неуверенно его остановить, а потом дергают от меня. Но проблема в том, что он так и не выпустил мои волосы, поэтому меня швыряет следом за ним. Адская боль пронизывает каждую часть тела, на которой теперь красуется ссадина, которую оставили любящие, заботливые руки отца. Мысленно я проклиная его, молю Бога избавить нас с мамой от него, но он остается глух к моим молитвам.

Наконец приступ ярости отца угасает, когда собутыльни-

кам удается оттянуть его от меня. Он бросает меня на землю, пнув по ноге, и плюет мне на плечо, а потом вместе с ними уходит. Я обнимаю колени и тихонько вою, раскачиваясь вперед-назад и надеюсь, что мама не слышала этого скандала. Улыбаюсь сквозь слезы лопнувшими губами. По крайней мере, я высказала все, что думаю о нем. Теперь остается только надеяться, что он не прирежет меня во сне, потому что тогда о маме совсем некому будет позаботиться.

Снова слышу голос отца где-то неподалеку и, вскочив с места, держась за саднящий бок, прячусь за сараем, прижимаясь спиной к забору, разделяющему наш двор и двор Порфирьевны.

– Учить она меня еще будет, – бурчит отец, прохаживаясь по двору.

– Саня, да забей ты, идем ко мне, – слышу голос дяди Коли, папиного дружка.

– Нет, ты понял, да? Эта сопля мне будет диктовать, что я могу делать в своем доме, а что не могу.

– Сань...

– Да погоди ты! Хоть денег возьму.

Где он их возьмет? Меня потряхивает не только от боли, а и от мысли, что я не успела припрятать часть денег с сегодняшней продажи черешни. Он ведь все заберет. На что я буду завтра продукты покупать? От понимания, что мы снова останемся без средств к существованию, глаза наливаются слезами и хочется взвыть в голос, потому что сил моих

больше нет терпеть всю эту ситуацию. Изю дня в день жить в аду, надеясь на что-то, что никогда не случится.

– Вот тут надо начинать, – раздается внезапно за моей спиной, и я вздрагиваю. – О, здрасьте.

Я медленно поворачиваюсь и натываюсь взглядом на какого-то мужика. Быстро утираю слезы и встаю.

– Здрасьте, – здороваюсь, пряча взгляд.

– У тебя все нормально, дочка? – спрашивает он, хмурясь.

– Мгм, – отвечаю и, развернувшись, на трясущихся ногах пытаюсь покинуть свое убежище, придерживаясь за стену сарая, потому что голова кружится все сильнее.

– Маш? – догоняет меня оклик Кирилла, и я зажмуриваюсь. – Ты чего хромаешь?

– Нормально все, – рявкаю я и тороплюсь скрыться за постройкой, чтобы они меня не видели.

Накрываю саднящий рот ладонью, чтобы громкие всхлипы не были слышны соседям, и ковыляю в летний душ. Мне нужно смыть с себя этот ужасный эпизод. Как только первые капли обрушиваются на меня, я облегченно выдыхаю. Ранки саднят и покалывають, но вода все равно помогает почувствовать, словно я отчищаюсь от отцовской грязи. Жаль, что это не помогает мне остановить рыдания. Боль, сжимающая мои внутренности, пульсирует, разносясь по телу. Да, внутри болит сильнее, чем снаружи. Потому что, как бы там ни было, я до последнего наивно верила в то, что отец никогда меня не тронет. Сколько раз замахивался, не пересчитать, но дальше

пощечины дело никогда не заходило. До сегодняшнего дня.

Дверь в душевую резко распахивается, а я успеваю только прикрыться руками, насколько могу. В проеме стоит Кирилл и хмуро осматривает меня с головы до ног.

– Кто тебя ударил? – спрашивает тихо, но в его голосе есть что-то, что пугает и меня.

– Ни... никто, – всхлипнув, отвечаю я, а потом снова захожусь в истерике.

Он заходит в душ прямо в одежде и шлепанцах, хлопнув за собой дверью, а потом резко перехватывает меня за затылок и прижимает к себе. Его одежда намокает, но Кириллу, кажется, до этого совсем нет дела. Он так крепко обнимает меня, что я задыхаюсь. А я выливаю на него свои эмоции, которые во мне уже просто не помещаются.

Мы стоим так долгое время. Он не делает ничего, не пытается воспользоваться ситуацией, просто гладит меня по волосам и держит крепко, как будто я могу упасть и рассыпаться. И впервые за долгое время я наконец ощущаю себя в безопасности. Меня все еще трясет, я все еще плачу, но уже нет того дикого ужаса, чувства обреченности, которое накатывало на меня еще несколько минут назад. Сейчас мне кажется, что я становлюсь сильнее, что не настолько одинока и беззащитна, как думала раньше. Позволяю себе иллюзию, словно Кирилл мой парень и он защитит меня даже от моего собственного отца. Ну и пусть это неправда, пускай я занимаюсь самообманом! В данный момент мне так легче пережить

свою личную трагедию.

– Кто это сделал? – спрашивает он, выключив воду. Я поднимаю голову, и Кирилл аккуратно проводит большим пальцем над моей разбитой губой. – Маш, кто это был?

Мне бы поправить его, сказать, чтобы называл меня Марьей, как все. Но почему-то не хочется. Еще немножко фантазии, совсем чуть-чуть сладкого обмана, и я снова надену на себя броню. А пока мне хочется отдать свою беззащитность и уязвимость в надежные руки, которые, – хочется верить, – могут бережно хранить все это.

– Отец, – отвечаю хриплым голосом.

– Где он сейчас? – я понимаю, что это спокойствие в его голосе притворное. Или я снова обманываю себя? В конце концов, какое ему дело до меня и моих проблем? В мире есть только один человек, который по-настоящему любит меня и желает мне счастья: моя мама. Все остальные проявляют лишь показное сочувствие.

– Не знаю, ушел.

– Может, тебе в больницу надо? Давай отвезу.

– Нет, все нормально будет.

– Маш...

– Мне нельзя в больницу. Маму не с кем оставить.

– Мы туда и обратно.

Я грустно улыбаюсь, чувствуя, как снова начинает кровоточить растягивающаяся ранка. Провожу кончиками пальцев по гладко выбритой щеке Кирилла.

– Ты хороший.

– Сомнительный комплимент, – хмыкает он, а потом смотрит на мои губы.

И в этот момент мы оба, кажется, осознаем, в каком положении находимся. Я прижимаюсь к нему обнаженным телом, его руки сжимают мою талию. Голую, да. Наши взгляды загораются и мечутся между глазами к губам и обратно. Конечно, он не захочет меня такую уродливую, с кровоподтеками и ссадинами. Только вот упирающееся мне в живот свидетельство возбуждения говорит об обратном.

Глава 8

– Я... – начинает Кирилл севшим голосом, – м-м-м подожду тебя на улице. Одевайся.

И, не глядя на меня, он резко разворачивается и выходит из душа. Я сразу хватаю с крючка полотенце и быстро вытираюсь, стараясь не задевать ранки. Потом заворачиваюсь в махровое полотенце и, прихватив грязное платье и белье, выхожу на улицу. Кир сидит на пне возле дома, прислонившись спиной к стене. Его взгляд, еще секунду назад спокойный, снова становится хмурым.

– Оденься, – говорит он, вставая.

– Сейчас, – отвечаю, торопясь войти в дом. По дороге бросаю в тазик со стиркой свою одежду. Я уже почти скрываюсь за тонким тюлем, висящем на двери, как слышу голос Кири:

– Я пойду, бабушке там воду проводят в дом, надо контролировать.

– Ладно, – отвечаю, стараясь, чтобы голос звучал нормально, но даже я понимаю, что в нем четко можно услышать всю гамму чувств: от обиды – до разочарования.

– Увидимся, – бросает Кирилл и покидает наш двор, довольно громко хлопнув калиткой.

Битый час у меня уходит на то, чтобы обработать все ранки и успокоить маму, которая, судя по взгляду, сходит с ума внутри своих мыслей, неспособная даже вербально выразить

всю свою боль.

– Ничего, мамочка, совсем скоро мы бросим его и уедем, – приговариваю я, глядя ее по руке, когда она успокаивается. – Пускай один тут живет и сам выгребает все свое дерьмо. А мы тебя на ноги поставим и как заживем! – Улыбаюсь сквозь слезы. – Вот увидишь, я все сделаю. Найду способ, чтобы сбежать из этой дыры и вылечить тебя.

Утыкаюсь взглядом в окно. Способ есть, только хватит ли мне наглости и беспринципности воспользоваться им – это вопрос года. С другой стороны, еще пара таких выпадов отца – и я лягу рядом с мамой. Никому ненужные, заброшенные калеки, доживающие свой очень короткий век в замке дракона, который не озаботится даже тем, чтобы накормить нас.

С каждой такой мыслью моя решимость крепнет. Я понимаю, что, возможно, поступлю по-скотски, но какой у меня выбор?

Вечером, убедившись в том, что мама уже легла спать и дракон видит десятый сон, я тихо захожу во двор Порфирьевны. Стыдно так, что щеки сейчас превратятся в пепел, так сильно они горят. Я не знаю, что скажу Кириллу. Целый день готовила речь, репетировала ее, а все равно язык не поворачивается произнести это вслух. Я не знаю, как буду разговаривать с ним, если даже в моей собственной голове слова не складываются в предложения.

Подхожу к окну, за которым находится кровать Кирилла, и заглядываю внутрь. Но там пусто и свет не горит. Ушел?

Снова пошел на речку к нашим? Разворачиваюсь и возвращаюсь к калитке. Если он там, то и я должна быть рядом. Выпью противной теплой водки для смелости и скажу ему все, что задумала. Как можно тише пробираюсь мимо машины к выходу со двора, как вдруг кто-то хватает меня за руку. Я вскрикиваю от ужаса, но звук выходит тихий и сиплый. Горло словно тисками сдавило. Поворачиваюсь и в темноте ловлю взглядом силуэт Кирилла.

– Ты что здесь делаешь? – спрашивает он, но в голосе я слышу улыбку.

– Пришла... м-м-м... в общем, к тебе, – на последнем слове голос наконец обретает силу, а сердце возвращает свой нормальный размер. Мне показалось, что от страха оно сжалось до размера горошинки. Громкой такой горошинки, которая долбитя в каждый уголок моего тела в поисках выхода.

– Ко мне, значит? Зайдешь?

– Ой, нет, что ты? Порфирьевна наверняка уже отдыхает.

– Да, спит уже.

Опускаю глаза, и чувствую, что лицо снова заливают красками. Оказывается, Кирилл стоит передо мной в одном полотенце на бедрах. Резко перевожу взгляд на его улыбающееся лицо.

– Так что?

– Нет, заходить не буду. Тут тебя подожду.

– Мы куда-то идем?

– Не знаю. Я просто... хотела... – слова застревают в горле, я никак не могу подобрать нужные. – Хотела поблагодарить тебя за то, что поддержал меня. Там... в душе... Мне очень важно было почувствовать, что есть кто-то, кто не станет осуждать меня.

– За что осуждать? За то, что твой отец пьяница, который бьет свою дочь?

Я коротко пожимаю плечами.

– Не знаю.

– Жди здесь, – вздохнув, отзывается Кирилл, а потом разворачивается и уходит в дом.

Я прохожу глубже во двор и присаживаюсь на скамейку у стены. Откидываюсь затылком на шершавый кирпич и смотрю на звезды. Завтра снова будет ясная погода, если я что и понимаю по звездам. Они горят ярко, на небе ни облачка. Значит, все же нас ждет снова солнечная погода.

– Заскучала? – Кир опускается на скамейку рядом со мной и закуривает. Точно так же откидывает голову назад и смотрит на небо. – В столице настолько яркое освещение, что увидеть звезды можно, только сидя на крыше высотки.

– Ты ходил смотреть на звезды?

– Пару раз. А ты часто смотришь?

– Почти каждую ночь перед сном. Выхожу из душа и по дороге в дом останавливаюсь на пару минут, чтобы взглянуть на небо.

– Загадываешь желания на падающую звезду?

Я чувствую на себе его взгляд и вижу боковым зрением, что Кир повернулся ко мне лицом.

– Загадываю, только оно не сбывается.

– Всего одно?

– Мгм.

– Какое?

– Если я еще и тебе расскажу, то точно не сбудется.

Внезапно понимаю, что не хочу продавать ему себя. Хочу быть с ним. Я наивная и глупая, если вот так, не зная парня, хочу отношений с ним. Но что взять с девушки, лишенной внимания нормальных парней? Я нуждаюсь в этом внимании. Нуждаюсь в объятиях и поцелуях под луной, в признаниях и красивых жестах. Да, у меня все еще есть цель, но я не хочу, чтобы Кир помог мне достичь ее под давлением. Хочу, чтобы это было его собственное желание.

– Как ты себя чувствуешь? – спрашивает он, снова отворачиваясь и выпуская дым в темноту.

– Уже лучше, спасибо.

– Ничего не болит?

– Уже нет. Болела голова почти весь день, но я недо-медсестра, так что сама себе прописала обезболивающие.

– Недо-медсестра? С этого места поподробнее.

– Я училась на медсестру. Совсем чуть-чуть, пару месяцев. Потом у мамы случился инсульт, и мне пришлось вернуться домой.

– А где училась?

– В Киеве.

– Почему отец за ней не присматривал?

Я хмыкаю.

– Ты моего отца видел? Он бы присмотрел так, что она бы совсем... не хочу говорить этого. А так у меня есть кое-какие навыки, и я могу ставить маме уколы. Благодаря им и гимнастике, которую мы каждый день делаем, она хотя бы может нормально есть и держать голову. Это уже прогресс при двустороннем параличе.

– Почему она не в больнице?

– Там надо платить. У меня, к сожалению, таких денег нет. Да и в нашей районке держать ее бессмысленно. Там вечно то лекарств нет, то врачей. Слово «реабилитолог» они видели только в институте как направление обучения. А маме нужен такой врач, чтобы поставить ее на ноги. Пока что я слабовато справляюсь с этой задачей по урокам в интернете.

– А как же твоя жизнь?

– А что с ней? —теперь я изучаю его мужественный профиль. Острые скулы, немного резковатые черты, модная стрижка с нависающей челкой.

– У тебя же нет личной жизни.

– Я просто не хочу ее строить с зародышами своего папы.

– Не понял?

– Я про парней, которые здесь живут. Через несколько лет они превратятся в его точную копию. Я так не хочу. Лучше буду одна, чем с такими.

– Понимаю, – отвечает он, а я мысленно подталкиваю его к тому, чтобы он предложил мне отношения с ним. Но Кирилл молчит, разочаровывая меня. Скорее даже просто не оправдывая ожиданий.

– А ты? – спрашиваю я.

– А что со мной?

– Какая у тебя история?

– Да никакой, – криво усмехается он, придавливая окуроч слепанцем. – Приехал к бабушке на каникулы.

– Раньше ты никогда не навещал ее.

– Не навещал, – отвечает со вздохом, ставит локти на колени и смотрит под ноги. – Не было возможности.

– Не понимаю.

– Это сложно.

– Расскажи, я сообразительная.

– Не хочу. – Этот короткий ответ почему-то порождает внутри меня обиду. Понимаю, что он не обязан мне рассказывать о себе, но все равно неприятно, что после моей невольной исповеди он не захотел поделиться со мной сокровенным.

– Ладно, пойду, – пытаюсь встать, но Кирилл перехватывает меня за запястье, заставляя оставаться на месте.

– Не обижайся, я просто не привык ни с кем откровенничать.

– Мне ты можешь доверять.

Он кивает, глядя на меня без улыбки.

– Как вы здесь развлекаетесь? – резко переводит он тему. – Вот этими походами на речку?

– В основном да. Иногда еще парни отвозят на дискотеку в район, но редко. Для этого надо сброситься на бензин, а деньги не всегда у всех есть.

– Давай съездим в эту пятницу, – предлагает Кирилл. – И подружку твою возьмем.

Мои глаза загораются, я так давно не была в заведении, приличнее нашего «свинарника», как называют его все местные. Там собираются такие же алкаши, как мой папаша, и упиваются до едва живого состояния. Место это гордо именуется «Бар «Доминикана». Но от Доминиканы там, предполагаю, только название. Иногда, по большим праздникам, там собираются не пропойцы, а молодняк, чтобы отпраздновать чей-то день рождения или выпускной. Но в остальное время все девушки стараются обходить это место десятой дорогой.

– Куда? – спрашиваю, стараясь не показать своей чрезмерной радости.

– В район, – отвечает он. – Или ты в Киев хочешь?

– Хочу в Киев, но туда далеко, да и денег таких нет.

– Если я приглашаю девушек, то я и обеспечиваю их отдых. И, кстати, не так уж и далеко.

– Кир, у меня же мама, помнишь? Пока доедем до Киева, уже пора возвращаться.

– Ну да, согласен. Тогда в район.

– Если у меня к тому времени сойдут синяки.

– Конечно, – отзывается он. – Чем завтра занята? Может, на речку сходим утром? Днем у бабушки будут трубы тянуть, мне надо быть на месте, а утром я бы окунулся, сегодня совсем времени не было.

– Да, можем сходить. Дашку позову.

– Давай вдвоем, – предлагает он, чем немало меня удивляет.

– М-м-м, ладно. Во сколько?

– Часов в восемь. В десять уже приезжает бригада.

– Договорились. Ну я пойду?

– Спокойной ночи, – кивает Кирилл, доставая новую сигарету.

– Спокойной ночи, – вторю ему и, поднявшись, двигаюсь на выход со двора.

Я чувствую на себе его взгляд, но не оборачиваюсь, хоть и очень хочется. И вообще много всего хочется. Кирилл выглядит как заносчивый, неадекватный мажор, но на деле он оказался вполне приятным парнем. Правда, так и не поделился со мной своей тайной, – а она там есть, могу поклясться, – но это дело времени, я уверена.

Глава 9

Следующим утром я снова и снова перекладываю полотенце и воду из сумки в рюкзак, и обратно. Почему-то так волнительно идти на речку с Кириллом вдвоем, что заходится сердце. Никогда еще не оставалась с парнем наедине в такой обстановке. А в какой, собственно? Ничего такого на речке нет, чтобы переживать. Идем мы не ночью, да и намеков Кир никаких не делал. Просто идем на речку. Или не просто?

Нет, все же сумка. Слегка потрепанная, но на речку самое то. Наконец я шумно выдыхаю, когда длинная стрелка часов дергается и указывает на двенадцать. Восемь утра. Быстро прокручиваю в голове, все ли утренние дела сделала, и, убедившись, что все в порядке, быстро целую маму и сбегая из дома. Надо бы, наверное, слегка задержаться, так советуют в интернете. Но у нас же, вроде как, не свидание, так что я успокаиваю себя этим, решив, что пунктуальность – моя сильная сторона, – даст Кириллу понять, что я уважаю его время. Господи, ну и бред мне лезет в голову. Надо просто расслабиться и насладиться походом на речку.

Выхожу из дома, и сразу за забором на покосившейся скамейке обнаруживаю Кира.

– Привет, – здороваюсь я.

– Доброе утро, – отзывается он, вставая.

Я быстро прослеживаю взглядом его подкаченную фигуру в футболке и шортах, а потом отвожу смущенный взгляд, потому что Кирилл смотрит на меня с кривой улыбкой.

Мы молча разворачиваемся и идем. Тишина между нами неловкая. Как будто в воздухе висят слова, но никак не хотят быть озвучены вслух. Может, мне стоит сказать что-нибудь? Начать разговор, чтобы разорвать эту странную атмосферу? Но что я ему скажу? Расскажу, как утром снова из-под моего носа утащили последнюю буханку хлеба, и мне снова пришлось его печь?

– А что у вас тут за проблема с хлебом? – спрашивает он, словно читая мои мысли, и я чувствую, как вспыхивают щеки.

– У нас тут есть один... м-м-м... предприниматель. Точнее, не у нас, а в соседнем селе. В общем, он держит магазин. И по утрам, в пять, сюда приезжает хлебовозка. Так вот он скупает весь хлеб и продает его дороже.

– А почему он на свой магазин специально не заказывает?

Я пожимаю плечами.

– Не знаю.

– Мне пришлось сегодня утром ехать в соседнее село за хлебом. Полагаю, это и был тот самый магазин.

– Не знаю, я там ни разу не была.

– А где же ты берешь хлеб? Или успеваешь?

– Пеку.

– Правда? – он бросает на меня заинтересованный взгляд,

а потом снова отворачивается. – А почему не прийти раньше?

– Бесполезно. Приезжает Демчук – это его фамилия – и доплачивает водителю хлебовозки, чтобы тот отдал ему весь хлеб.

– Странная схема.

– Ой, сколько уже все с ним ругались, писали и звонили на хлебзавод. Водители меняются, а схема – нет.

– Ясно, – задумчиво бормочет Кирилл. И вдруг я представляю себе, как он – практически как супергерой в плаще – решит проблему с хлебом. Хотя какое ему дело до этой ситуации? Он погостит у бабушки и уедет назад в свою сытую жизнь, в которой нет Демчука и утреннего хлебного кризиса в отдельно взятом крохотном селе.

На речку мы добираемся слишком быстро. Слишком – потому что идти рядом с Кириллом так, словно мы пара, – это так волнительно. Я могу украсть в свои фантазии еще один короткий эпизод, чтобы, оставшись наедине со своими мыслями, прокручивать его раз за разом. Там, в своей голове, я очень смелая и отважная. Там я могу поцеловать его, сказать, что он мне нравится и даже больше. А в реальности я смотрю на этого красивого парня и не решаюсь даже первой завязать разговор. Потому что каждый раз кажется, что он сейчас рассмеется надо мной и скажет, что пошутил, что я не пара такому, как он. Что я наивная и глупая. Хотя я же не такая, совсем нет! Просто... устала жить в напряжении

изо дня в день. Устала слышать, какая я криворукая и тупая. Хочу, чтобы хоть кто-нибудь сказал мне: «Марья, я люблю тебя! Ты сама я умная и красивая! Ты самая!..»

– Ух ты, круто как! – Кирилл прерывает поток моих мысленных комплиментов самой себе. Прослеживаю его взгляд и улыбаюсь.

– Да, здесь красиво не только ночью.

– Ночью как раз почти ничего не видно, – отзывается он с улыбкой.

Пытаюсь посмотреть на место его глазами, но у меня слабо получается. Да, понимаю, что он видит безупречную гладь реки, которая слегка бурлит потоками, песчаные берега, заросли травы вперемежку с луговыми цветами, нависающие над рекой огромные ивы и низко плывущие хлопья облаков по безмятежному голубому небу. И правда красиво. Но в моих глазах эта картинка уже не такая яркая. Словно фотография, потускневшая от времени. И былого восторга я уже не испытываю, потому что вижу это почти каждый день. Но мне невероятно приятно, что Кирилл стал еще одним человеком, оценившим красоту нашего села по достоинству.

Любование природой резко прерывается, когда я вижу, как Кир сбрасывает с себя футболку. Я замираю, любуюсь тем, как перекачиваются мышцы на его спине, когда он оставляет футболку на песке и идет к воде в купальных шортах. Все в этом парне идеально: от буйной копны волос с нависающей на лоб челкой – до кончиков пальцев с аккурат-

но постриженными ногтями. Буквально все, что есть в нем, крадет мое дыхание.

Когда Кир ныряет, я наконец отмираю. Расстилаю покрывало, снимаю с себя сарафан, повернувшись спиной к речке. Жутко волнуюсь о том, что ему не понравится моя фигура. И вообще смущаюсь раздеваться перед ним. А кто бы не смущался? Когда парень выглядит как греческий бог, невольно засомневаешься в себе, даже если обладаешь параметрами модели. Всегда найдется какой-то изъян. Наверняка и у Кирилла он есть, но я пока вижу только достоинства в нем.

Поворачиваюсь лицом к речке и сталкиваюсь со взглядом прищуренных глаз. Кир уже успел отплыть на приличное расстояние, и все равно я чувствую то, как он сканирует меня. Тороплюсь войти в воду, чтобы поскорее скрыть свое тело под ней. Все же я пока не готова демонстрировать себя во всей красе, еще и с синяками.

Ныряю, и мне кажется, что наконец голова охлаждается настолько, чтобы я могла вернуть себе ясность мышления. Вряд ли, конечно, но уж как есть.

Когда я выныриваю, Кира нигде нет. Кручу головой, а потом вскрикиваю, когда он под водой хватает меня за лодыжки. И замираю, когда наглые руки скользят по моим ногам по мере того, как Кирилл поднимается на поверхность. Я, наверное, позволяю ему больше, чем должна. Но, с другой стороны, я бы хотела, чтобы такой парень, как Кир, стал моим первым. Он уверен в себе, красив и ему хватает наглости

на то, чтобы не смущаться своих смелых поступков.

Кирилл становится напротив меня, оставив руки на моей талии. Я с восторгом заглядываю в серо-зеленые глаза, обвожу взглядом идеальные черты лица и подаюсь немного вперед в надежде, что получу поцелуй. И надежда не призрачная. Кир притягивает меня к себе, заставляя прижаться к его телу и обвить ногами талию, а сам впивается в мои губы поцелуем. Наглым и жадным, в меру грубым, но таким чертовски вкусным. Я думала, что моя разбитая губа при этом будет болеть, но кроме небольшого дискомфорта, я ничего не испытываю. Запускаю пальцы в его волосы, отдаваясь поцелую без остатка. Даже не замечаю, как мы оказываемся в воде уже глубже, практически по шею Кирилла. И мимо меня проходит момент, когда наш поцелуй стал откровеннее настолько, что я уже бесстыдно трусь промежностью о его твердый член. Никогда так не делала, никогда бы не посмела. А тут словно у меня в голове кто-то отключил внутреннего цензора, позволив делать все, что только захочет тело.

Наше тяжелое дыхание смешивается, сердце грохочет, толкаясь в ребра в попытке встретиться с сердцем Кира. Интересно, у него там такой же ритмичный грохот внутри? Чувствует ли он то же, что и я?

Постепенно мысли уплывают, оставляя только шум крови в ушах и абсолютную, звенящую пустоту в голове, которая кружится. Как будто окружающий мир взяли и выключили, давая нам время насладиться друг другом. Никогда не заду-

мывалась о том, что мужчина с женщиной должны совпадать в поцелуях. А сейчас осознаю, что была бы не просто расстроена, а, наверное, убита, если бы мы не совпали. И вроде целовались раньше, а такого фейерверка чувств я не испытала. То есть, был трепет, бабочки в животе и все необходимые атрибуты волнительного поцелуя. Но этот... он просто взрывает мой мир.

Кир крепко прижимает меня за попку к своему паху, давая прочувствовать всю силу его желания. Я смущаюсь, но в то же время наглею настолько, что буквально вталкиваю свой язык ему в рот, чтобы он облизывал его и всасывал, пока я растворяюсь и плавлюсь. Не поцелуй – взрыв.

– Тормозим, – резко выдыхает Кир, отрываясь от моих губ.

– Что? – растерянно бормочу я, пытаюсь взять его лицо в фокус. – Почему?

– Потому что я тебя сейчас здесь трахну. Вряд ли соседи оценят это шоу. И вряд ли твоя репутация его переживет.

– А... о...

Наконец до меня доходит, где мы находимся и в котором часу. И что вокруг нас село уже давно проснулось, вдоль реки могут ходить люди, у которых будет возможность рассмотреть происходящее в воде. Насколько легкодоступной я покажусь, если предложу ему уединиться под ветками ивы? Она скрыла бы нас от нежелательных взглядов... Но нет, я никогда на такое не решусь.

– Мне надо остыть, – хрипит Кир и, быстро чмокнув меня в губы, отрывается и уходит под воду.

И мне надо остыть. Мысли разбрелись, мозг как будто превратился в желе. Я смотрю на то, как Кир рассекает гладь реки, пока делаю глубокие вдохи, а потом медленно, намеренно задерживая дыхание, выдыхаю.

Спустя минут пятнадцать мы одеваемся, чтобы идти домой, но при этом бросаем друг на друга многозначительные взгляды и обмениваемся улыбками. Если бы сейчас кто-то посмотрел на нас, то без сомнения понял бы, что мы разделяем какую-то тайну. Подхватив с песка покрывало, Кир берет меня за руку и ведет в сторону дома.

– Это шелковица там? – спрашивает он, указывая на небольшую рощицу слева.

– Она.

– Спелая уже?

– Должна быть, – пожимаю плечами.

– Ты должна знать: ту, которая нависает с вашего дерева над двором бабушки, я уже объел. Если у тебя были на нее планы, мне жаль, но тебе придется их перекроить.

Я смеюсь, глядя в улыбающееся лицо Кира.

– Раньше твоя бабушка просила соседа обрезать ветки с ее стороны. Не знаю, почему перестала.

– Она же поставила там столик и кресло, и теперь сидит отдыхает в жару.

– Видела, да, – киваю.

Я даже не заметила, как Кир сменил направление, и мы уже шагаем к шелковице.

– Это раньше был двор какого-то склочного дедугана. Видишь там, за кустами, остатки дома?

Кирилл вытягивает шею, чтобы посмотреть в указанном направлении.

– Ага.

– В общем, вокруг дома он посадил деревья шелковицы, но никому не разрешал есть ягоды. Даже ружье, говорят, заряжал солью, чтобы стрелять по детям, воровавшим шелковицу.

– А зачем ему было столько?

– А кто его знает? – пожимаю плечами. – Эта история тянется еще с тех времен, когда моя мама была девочкой. При ней жил этот дедуган. Когда он умер, его дети приехали, похоронили деда и уехали. Дом никто не продавал, в нем никто не жил. В общем, вот этот сарай как раз раньше и именовался домом. Теперь там просто лазают мальчишки, растаскивая то, что не растащили раньше. У нас шутят, что если не можешь найти сына, то он или на речке, или у деда Панаса в хате.

Кирилл улыбается.

– Люблю такие истории, – усмехается он, наклоня ветку. Все нижние уже, конечно, обнесены местными детьми. – Иди сюда.

– Я буду грязная.

– Прожить лето и не испачкаться в шелковице – это же преступление.

– А ты каждое лето в ней пачкаешься? – улыбаюсь я, подходя ближе и останавливаясь под раскидистой веткой, обсыпанной ягодами.

– Да. Только жаль, что ко мне шелковица попадает, как правило, в пластиковых контейнерах. С деревьев я ел ее всего пару раз в жизни. Открой ротик, – переходит он на интимный шепот, и мои губы сами собой распахиваются. Так странно слышать из уст уверенного, наглого парня уменьшительно-ласкательное «ротик», что я даже зависаю на пару секунд. – Вкусно?

– Мхм.

– Еще?

– Да.

Кир кладет новую ягоду мне между губ и так внимательно наблюдает за тем, как она исчезает у меня во рту, что все мое тело вспыхивает. Я понимаю, какие ассоциации проскакивают в его голове. Понимаю, чего именно он хочет. И все это порождает новые волны возбуждения и смущения в моем теле.

– О, вы тут! – слышу окрик Дашки за спиной. – А что так рано? Вы на речку или с речки?

Я делаю шаг от Кирилла и поворачиваюсь лицом к подруге.

– Хочу вечером поесть шелковицы. Пойдешь со мной? –

успеваеt Кирилл шепнуть мне на ухо, и тело вздрагивает от обещаний в его голосе.

Глава 10

Вечером Кир уверенно берет меня за руку и ведет за собой, как только за моей спиной закрывается калитка. Солнце уже давным-давно село, и сумерки медленно, но уверенно перетекают в темноту. Мы идем снова в сторону шелковичной рощи. Внутри меня все трепещет в ожидании того, что там может случиться, но в последний момент Кир резко сворачивает к речке, и я слышу голоса на ней. Хмурюсь, потому что не понимаю, что происходит.

– Кто здесь? – спрашиваю Кира, а он молча улыбается.

Подходя ближе, начинаю различать знакомых: Серега, Сашка, Андрей, Даша и еще человек восемь жарят шашлыки. Сегодня вместо музыки из машины мы слушаем, как Саня медленно перебирает струны гитары под негромкие разговоры. Таких душевных посиделок я уже и не помню. Обычно парни стараются как можно скорее накидаться водки, схватить первую согласную девчонку и утащить ее в кусты обжиматься. Или дерутся, даже между собой. В общем, наши вылазки на речку, как правило, заканчиваются банально, что на утро нечего и вспомнить.

– О, привет! – выкрикивает Дашка и машет мне, чтобы я садилась рядом.

Занимаю место рядом с подругой, краем глаза наблюдая, как несколько парней сбрасывают футболки и идут купаться.

Среди них Кир, фигура которого отчетливо выделяется на фоне слишком худых или слишком полных местных.

– Хорош твой Кирилл, – говорит Дашка, тоже провожая парней взглядом, а потом поворачивается ко мне. – Что за крики у тебя сегодня во дворе были?

– Не спрашивай, – выдыхаю я. – Дракон отобрал деньги, которые я собрала себе на сапоги, – отвечаю так тихо, чтобы никто не услышал.

– Блин, Маш, тебе срочно надо сваливать от него. Ты уже обработала Кирилла?

– В каком смысле – обработала? – осматриваюсь, чтобы убедиться, что наш разговор никто не слышит.

– В таком, – подруга играет бровями. – Манюнь, ну ты как маленькая. – Она приближается к моему уху, и дальше я могу сравнить свою подругу только с демоном, сидящим на плече. Потому что она начинает торопливо шептать мне на ухо, пока я люблюсь тем, как Кир с парнями подбрасывают друг друга и ныряют в воду. – Он – твой единственный шанс вырваться из этого болота. Если батя начал тебе раздавать пощечины, то завтра в тебя полетит кулак. Я уезжаю к Ваське через три недели. С кем ты останешься, а?

– Ну как я могу использовать его? – стону негромко.

– Господи, ну ты меня убиваешь! – закатывает глаза подруга. – Окрути, сделай своим и спровоцируй помочь тебе свалить отсюда. Легко! – она щелкает пальцами.

– А если он поймет, что я пытаюсь его использовать?

– А ты не сознавайся! Маш, ну не тупи уже, а? Я б такого быстро взяла в оборот.

Даша кивает на речку, и я люблюсь тем, как Кир медленно, словно в замедленной съемке, выходит из воды. В свете яркой луны капли воды на его теле соблазнительно поблескивают.

Я чувствую, что у меня остаются считанные минуты на принятие решения. Вроде бы мы и не спешим никуда. Но по ощущениям или сейчас, или никогда.

– Не хочешь искупаться? – игриво спрашивает Кирилл, брызгая на меня водой.

Я с истеричным смехом сжимаюсь. Едва выжимаю из себя искренние эмоции, потому что напряжение в воздухе между нами ощутимо звенит. Кровь в ушах грохочет, перебивая все адекватные мысли. На передний план выступает страх. Нет, внутри меня уже не остается никаких сомнений, подруга права. Кир – это мой единственный шанс разорвать этот круг. Теперь остается только страх о том, как я буду воплощать в жизнь идею Дашки.

Вечер идет своим чередом, а я начинаю нервничать. За все время Кирилл был возле меня всего пару раз, и те случайно. Если посмотреть на нас со стороны, совсем не кажется, что мы пара или между нами вообще что-то может быть. Он флиртует с другими девушками, правда, не переступая черту. Общается с парнями. Те так облепили мажора, что подступиться к нему не представляется возможным. Обсуждают

машины, гонки, какие-то диски и тюнинг, в которых я ничего не смыслю. Даже вон Светка каким-то образом умудряется вклинить в чисто мужскую беседу, а я в этот момент кажусь себе совершенно заурядной, глупой и несообразительной. Даже не могу поддержать разговор.

– Что киснешь, подруга? – Дашка плюхается рядом со мной на покрывало. – Смотри, как Светуля кружит твоего мажорчика. Будешь тут сопли жевать – она его окучит в два счета.

– Даш, прекрати, – бросаю раздраженно, потому что и сама понимаю, что упускаю Кирилла.

– Я-то прекращу, но ты уже определись, нужен он тебе или нет. Если нет, то я вступлю в игру.

– В смысле? А Вася?

– А что Вася? – вскидывает она брови. – Вася классный парень, но тоже там в своей Белке девок, небось, таскает в квартиру с незаконченным ремонтом. Я, Мань, жить хочу, а не существовать, ясно?

Я смотрю на подругу и пытаюсь убрать осуждение из своего взгляда, потому что не понимаю, как можно любить одного парня, но спать при этом с кем-то еще. Но Дашка мне уже давно говорила, что с такими взглядами я выйду замуж за подобие своего отца и всю жизнь буду маяться с ним. Не хочу за такого, как отец.

Снова присматриваюсь к Кириллу, а потом решительно поднимаюсь с покрывала и шагаю к нему. Колени слегка дро-

жат, потому что я боюсь, что он сейчас оттолкнет меня, и мне придется встать в очередь, чтобы дожидаться своей минутки его внимания. Но Кирилл удивляет. Едва я оказываюсь рядом, притягивает меня за талию, прижимая к своему боку.

– Так что через пару недель заезд.

– Под Киевом?

– Ага. Скорее всего, на «Чайке», а там посмотрим.

– Мы приедем посмотреть, – заплетающимся языком произносит Сергей. – И королевну привезем, чтобы она полюбовалась, – он тычет в мою сторону вилкой с наколотым на нее куском шашлыка.

– Королевна со мной поедет, – отвечает Кир и смотрит на меня с кривоватой улыбкой. – Поедет? – играет бровями, заставляя меня улыбаться.

Включаю все свое обаяние, которого, надо сказать, у меня кот наплакал, и улыбаюсь в ответ.

– Хоть на край света, – выдаю с придыханием, и с удовольствием наблюдаю, как взгляд Кирилла темнеет.

– Мы нагулялись, – утвердительно произносит он, а потом выпрямляется и тянет меня из толпы. – Всем спокойной ночи! – выкрикивает, не оборачиваясь.

Моя грудная клетка раздувается от гордости за себя. Я смогла одним лишь присутствием отвлечь Кирилла от парней. Наверняка хвастаться своими гоночными достижениями гораздо интереснее, чем общаться со мной, но он все равно выбрал меня.

– Поедим шелковицу? – спрашивает Кир по дороге.

– Мхм, – отвечаю, пытаюсь понять, что это должно значить. Может, в его словах и нет подтекста, но он почему-то слышится мне вполне отчетливо.

Мы подходим к дереву и, как и в прошлый раз, Кир кормит меня ягодами по одной, при этом не забывая и себе в рот кинуть несколько. Я снова дрожу, пытаюсь придумать, как же его так соблазнить, чтобы наверняка повелся на меня. Понятное дело, можно сказать прямым текстом, мол, хочу-не-могу. Только у меня язык не повернется. К тому же, страшно услышать в ответ отказ или, тем более, смех. Мало ли, какие у него ко мне чувства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.